

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ПРИВРАТНИК

Скитальцы

Марина и Сергей Дяченко

Привратник

«ЭКСМО»

1994

Дяченко М.

Привратник / М. Дяченко — «Эксмо», 1994 — (Скитальцы)

ISBN 978-5-699-28241-8

Цикл «Скитальцы» – одно из самых известных творений М. и С. Дяченко – давно стал классикой жанра. Маг, потерявший силу, вечный странник Руал Ильмараннен. Его приключения, трагедии и победы, потери и находки. Дверь, в которую, словно в человеческое сердце, стучит таинственная Третья Сила. И люди, живые люди, остающиеся собой в странствиях и схватках, любви и ненависти, жизни и смерти. Роман «Привратник» достоин внимания самого искушенного читателя.

ISBN 978-5-699-28241-8

© Дяченко М., 1994

© Эксмо, 1994

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Марина и Сергей Дяченко

Привратник

Часть первая

Явление

Ранней весной Ларт отправлялся в один из своих вояжей – как всегда, неожиданно и, как всегда, спешно.

Весь день перед отъездом прошел, как в лихорадке. Ларт был угрюм, что бывало с ним часто, и вроде бы растерян, чего с ним никогда не случалось. Несколько раз собирался мне что-то сказать – и раздраженно умолкал. Я нервничал.

Выехал он на рассвете, снабдив меня множеством инструкций. Я должен был исполнить несколько мелких поручений в поселке, привести в порядок дом, собрать дорожный сундучок и вечером встретиться с Лартом в порту, чтобы на закате поднять паруса.

Проводив его взглядом, я вздохнул свободнее.

Управиться в поселке было несложно – там меня считали «учеником чародея», а такое отношение здорово упрощает жизнь. Глупо же объяснять всем и каждому, что никогда я не был Лартовым учеником. Служкой – да; горничной, дворецким и мальчиком на побегушках в одном лице – кем угодно, только не учеником. Тем не менее в поселке меня встречали, как вельможу, а трактирщик наливал мне в долг.

Вернувшись в дом на холме и кое о чем поразмыслив, я сообразил, что, проявив расторопность, успею по дороге в порт попрощаться с Данной. Эта мысль придала мне резвости, и скоро Лартовы покои заблистали чистотой, а сундучок чуть не оборвал мне руки, пока я вытаскивал его в прихожую.

И тут, в прихожей, я вспомнил про последнее из хозяйских поручений.

Уже поставив ногу в стремя, Ларт поморщился болезненно, поколебался (неслыханное дело!) и вытащил из кармана вчетверо сложенную бумажку.

– Да... – буркнул он раздраженно. – Когда луч достигнет колодца, прочитай это вслух и внятно там же, в передней. Желательно ничего не перепутать, не опоздать на пристань и поменьше болтать. Это все.

В таком поручении не было ничего сверхъестественного – подобное мне приходилось делать и раньше. Конечно, лестно было воображать себя магом, но, честно говоря, не хуже бы справился и попугай, умеет он читать...

В прихожей царил полумрак, ибо посетители волшебника должны немедленно проникаться благоговейным страхом.

Я и сам им проникся, когда впервые переступил порог Лартова дома. Все началось с того, что полочка для обуви укусила меня за щиколотку... Такое забывается не скоро.

Я поставил сундучок у двери.

В потолке имелось круглое отверстие, сквозь которое в солнечные дни пробивался луч – узкий и острый, как вязальная спица. За день он проходил путь от оленьих рогов над входной дверью до гобелена на стене напротив.

Под гобеленом, где всю трубили охотники с соколами на рукавицах, выдавался прямо из стены чрезвычайно неприятный колодец, из которого тянуло плесенью. Луч имел обыкновение заглядывать в него после полудня. Этот час и имел в виду Ларт, когда давал мне поручение.

Покончив с сундучком, я устроился в кресле слева от двери и стал ждать, пока магический, но крайне нерасторопный луч сползет с ковра и взберется на сырую кладку колодца.

Время шло, я отдыхал от утренних трудов, радовался предстоящему путешествию и разглядывал давно и до мелочей знакомую переднюю мрачноватого Лартова дома.

Прямо передо мной располагалось так называемое лохматое пятно – в этом месте постоянно отрастала шерсть на ворсистом ковре, и в мои обязанности входило регулярно ее подстригать, уравнивая с остальной ковровой поверхностью. Остриженную шерсть я собирал в полотняный мешочек, надеясь со временем связать себе шарф.

А справа от меня, по другую сторону двери, помещалось зеркало, которое я всегда обходил стороной и даже пыль с него стирал, отвернувшись. Ларту оно служило, как собака, угодливо показывало его отражение со всех сторон и, по-моему, помогало завязывать шейный платок. Мою особу оно не отражало никогда, а норовило напугать жуткими, ужасно правдоподобными и часто противными изображениями. Сейчас оно чернело, как поверхность стоячего озера в темной чаще.

Массивный платяной шкаф хозяин никогда не открывал, но я каждую субботу перетряхивал его, шкафа, содержимое. Особенно много возни было с железными латами – их ведь надо полировать суконкой.

А мрачное чудовище в углу у Ларта называлось вешалкой. Трудно сказать, на что она была больше похожа – на больное дерево или скелет уродливого животного. Три года назад Ларту подарил это сооружение кто-то из дружков-колдунов, я, помнится, еще подумал, что хозяин поблагодарит и уберет его в чулан, так нет же, он выставил подарочек на видное место и велел мне вешать на него плащи визитеров. И получилось как-то незаметно, что в доме, где полно чудес и диковин, эта вешалка оказалась едва не самой странной странностью – Ларт явно выделял ее среди остальных предметов. То лицо воротил, проходя мимо, то усмехался как-то неприятно, а однажды всыпал мне за то, что я, мол, слишком ее нагрузил. Ларт, впрочем, и есть Ларт – что взбредет ему в голову, предсказать невозможно.

Сейчас на этой искореженной рогатине висела только моя куртка, бирюзовая с золотом, купленная осенью на окружной ярмарке. Ларт, помнится, что-то проворчал насчет моего вкуса, но Данне куртка определенно понравилась.

И мысли мои невольно переметнулись к Данне – она ведь лучшая девушка в поселке, а я чужак, не очень красивый и не самый сильный, но она выбрала меня, потому что я – «ученик чародея», а значит – за мои особые качества. Так я втихомолку радовался, пока не увидел, как луч преспокойно выбирается из колодца.

Я успел покрыться потом, пока разыскал в карманах мятую бумажку, сложенную вчетверо.

Ларт писал, конечно, не колдовскими рунами, а крупными печатными буквами, как в букваре, – чтоб и заяц мог разобрать. И все равно я здорово изломал себе язык, пока дочитал до половины, а когда дочитал, то вообще пожалел, что взялся. Воздух вдруг наполнился звенящим напряжением и задрожал, как над костром; я в панике выкрикивал эти полупристойные звукосочетания, не слыша себя. Заклинание заканчивалось таким повелительным возгласом, Ларт даже отметил его восклицательным знаком; у меня это вышло, как вопль придавленной кошки. И как только этот вопль стих...

Уже давно что-то, замеченное боковым зрением, мне мешало. Сейчас я резко повернул голову и увидел, как вешалка выгибается от верхушки до основания, будто сотрясаемая конвульсиями. Я не первый год у Ларта на побегушках и повидал всякое, но это, поверьте, было очень страшно. И прежде чем я смог вытолкнуть застрявший в горле крик, на месте вешалки обрушился на пол человек.

Я не сразу сообразил, что это человек. Он лежал бесформенной грудой на ворсистом ковре, а я стоял в противоположном углу и боялся пошевелиться. Вот так так, и эта вешалка торчала в прихожей три года...

Человек пошевелился, судорожно дернулся и поднял на меня сумасшедшие глаза. Я попятился; он вскочил и перевел взгляд на свои руки. В правой была зажата моя бирюзовая с золотом куртка. Он замычал и с отвращением попытался ее отбросить, но пальцы, по-видимому, не слушались. Тогда он левой рукой разжал пальцы правой и швырнул мою куртку в угол, как вещь исключительно гадкую, так что мелочь из карманов рассыпалась по всей прихожей. Потом снова уставился на меня (в глазах ни тени мысли), опять перевел взгляд на руки и стал вдруг ощупывать себя с головы до ног, всхлипывая все громче и громче, пока не захотел (или заплакал) и не сполз по стене обратно на ковер.

Я знал раньше, что маги занимаются подобными вещами, но никогда не предполагал, что Ларт, мой хозяин, на такое способен.

А человек смеялся, теперь уже точно смеялся, и катался по полу. Я совсем уж было уверился, что это сумасшедший, когда он вдруг замер и зажал себе рот рукой. Потом прохрипел, не глядя:

– Дай воды.

На кухне я вспомнил-таки: вешалку эту преподнес хозяину его вечный соперник Бальтазарр Эст в знак очередного примирения.

Когда я вернулся в прихожую, тот человек уже взял себя в руки. Лицо его, правда, еще было безжизненно-серым, но из глаз исчезло паническое выражение; он сидел, привалившись спиной к стене, и массировал лоб и щеки, возвращая им человеческий цвет.

Я протянул ему стакан, он выпил до дна, стуча зубами о стекло. Поставил опустевший стакан, перевел дух и посмотрел мне прямо в глаза:

– Значит, таков был его приказ?

Я не стал выяснять, чей это – «его», и кивнул.

– Что дальше?

Его плохо слушался язык, но он прямо-таки буравил меня глазами.

– Дамир...

Вот как, он меня знал!

– Дамир, что он еще приказал?

Я сглотнул и пожал плечами.

– Я так понял, – хрипло продолжал он, – что могу... убираться восвояси?

Я глупо улыбнулся.

Он встал, держась за стену. Двинулся к двери. Обернулся:

– Хорошо. Ладно. А теперь... Передавай ему привет. Просто привет от Маррана.

Я стоял на пороге и смотрел, как он уходит, едва переступая негнушимися ногами.

* * *

...Это было безумие – передавать ему привет. Это было пустое и глупое бахвальство.

Станный и нелепый человек шагал по дороге. Когда-то его звали Руал Ильмарранен, по кличке Марран.

Ноги на желали подчиняться, потому что за три предыдущих года им не пришлось делать и шага. Руки, неестественно выгибаясь, судорожно хватали воздух, ловя несуществующие воротники плащей и курток. Пасмурное весеннее небо было слишком светлым для привыкших к полумраку глаз.

По дороге к поселку шагала ожившая вешалка господина Легиара.

Марран силился и не мог удержать надолго ни одной, самой пустяковой мысли. Вот дорога, думал он, опустив голову и вглядываясь в раскисшую глину. Это вода. Это песок. Это небо. Тут он пошатнулся, неуклюже пытаясь сохранить равновесие, но не удержался и упал,

как падает деревянная палка. Прямо перед глазами у него оказался жидкий кустик первой весенней травки. Это трава, подумал он безучастно.

Откуда-то из глубин отупевшей памяти явился сочно-зеленый луг, над которым деловито вились цветные бабочки, и бронзовая ящерица на горячем плоском камне.

Марран с трудом перевернулся на спину, оттолкнулся от притягивающей к себе земли, руками согнул сведенную судорогой ногу – встал, шатаясь.

Воспоминание помогло ему, позволив хоть немного приостановить хаотически несущийся поток бессвязных мыслей. Он уцепился за один, самый яркий образ: ящерица, ящерица...

Девочка-подросток, чьей самой большой гордостью было умение превращаться в ящерицу. И мальчишка, над этой ее гордостью смеющийся.

«А в саламандру умеешь? А в змею? А в дракона? Ну, посмотри на меня! Ведь это так просто!»

Мальчишке ничего не стоило скакать кузнечиком, гудеть майским жуком – а она умела тогда превращаться в ящерицу, и только. Мальчишка наслаждался своим превосходством, хлопал пестрыми сорочьими крыльями прямо над ее головой – она с трудом сдерживала злые слезы.

«Ну хватит, Марран! Убирайся, можешь больше не приходить!»

Марран вздрогнул.

Он стоял на холме, под его ногами качалась раскисшая дорога, а прямо перед ним лежал в долине поселок. Вились теплые дымки над крышами.

Он не принимал решение – ему просто больше некуда было идти.

Непослушные ноги знали дорогу, но шли медленно, так медленно, что он добрался до места поздним вечером. Калитка не была заперта. Дом засыпал – слабо светилось последнее, бессонное окно.

Марран встал у двери, не решаясь постучать. Затуманенное сознание понемногу прояснялось – и по мере этого прояснения ему все сильнее хотелось уйти.

Но тут дом проснулся.

Что-то обеспокоенно спросил женский голос, застучали шаги по лестнице, осветились окна... Женский голос повторил свой вопрос нервно, почти испуганно.

Дверь распахнулась. На Маррана легла полоса теплого, пахнущего жильем света. Он заморгал полуослепшими глазами.

Та, что стояла в дверном проеме, пошатнулась и едва удержала фонарь.

...На обеденном столе горели две свечи. Топилась печка; щели вокруг чугунной дверцы светились красным.

Он сидел, уронив голову на руки. В полубреду ему виделась ящерица на горячем камне.

– ...слышишь меня?

Он с трудом поднял голову. Женщина стояла перед ним с бокалом темной жидкости в трясущихся руках:

– Выпей...

Он начал пить нехотя, через силу, но каждый глоток возвращал ему власть над мыслями и способность облекать их в слова.

– Три года... Три года, Ящерица...

Женщина запрокинула голову, закусил губу:

– Я вдруг почувствовала твое присутствие. Я поняла, что ты пришел...

– Прости.

Она сдавленно рассмеялась:

– А я всегда чувствовала, что ты идешь... У меня голова начинала болеть, и я думала – опять негодный Марран...

Он попытался улыбнуться:

– Да?

Она раскачивалась на скамейке, глядя на него странным, не то насмешливым, не то растерянным взглядом.

– А помнишь, как ты мне хвост оторвал?! И потом носил на шее, на цепочке...

– А потом потерял...

– А я себе новый хвост отрастила...

– А помнишь, как ты меня дразнила? Марран – противный таракан...

– И еще Марран – хвастливый барабан...

– И облезлый кабан...

Она зашлась смехом:

– Не было кабана, это ты только что придумал... – И продолжала сразу, без перехода: – А ты живой, Марран... Ты живой все-таки...

Ее смех оборвался.

– Я виноват перед тобой, Ящерица, – сказал с длинным вздохом ее собеседник. – Не надо было приходить.

В соседней комнате завозился, заплакал ребенок. Женщина по имени Ящерица вздрогнула, решительным мальчишеским движением стерла слезы и вышла, прикрыв за собой дверь. Маррану показалось, что огонь в печи почернел.

Женщина вернулась, бросила на собеседника быстрый испытующий взгляд – тот ответил неким подобием улыбки:

– Мальчик или девочка?

– Мальчик, – отозвалась она сухо.

Он попытался снова вспомнить сочно-зеленый луг – и не смог. Краски его видений разом выцвели, поблекли.

Пауза затянулась. Ящерица, заламывая пальцы, села за стол напротив Маррана.

– Мой муж – прекрасный человек, Руал, – наконец сказала она, подавив не то вздох, не то всхлип.

Черный огонь в печи жадно пожирал седеющие поленья.

– Он не маг, и я теперь тоже не хочу иметь с магией ничего общего, – продолжала она с внезапной надменностью. – Слишком дорого обходится вражда господ колдунов, а дружба – еще дороже... Это все, что ты хотел бы знать?

Марран не ответил.

Сделав над собой усилие, он встал, взял свечу со стола, обернулся к овальному металлическому зеркалу на стене. Поднес свечку к лицу... Рука дрогнула.

– Марран – хвастливый барабан... Похоже?

Она не отозвалась, подавленная. Тогда он попросил тоскливо:

– Догадайся, Ящерица... Догадайся, что со мной...

– Ларт и Эст объединились против тебя, взяли в клещи...

– Да... Но это не все.

– Они одолели тебя... Ты стал вещью, мебелью...

– Да. Но это еще не все.

– Тебе плохо...

Он свирепо обернулся:

– «Плохо»?! Я... – Осекся. Выдохнул сквозь сжатые зубы и сказал спокойно: – Я просто больше не маг, Ящерица.

Она стояла в полумраке, где он не мог разглядеть ее лица.

– Как ты сказал?

– Как ты слыхала.

Она медленно опустилась на скамейку.

– Это ты... Ты-то... Как же? Кто же ты теперь?

Он отчеканил зло:

– Бывший волшебник. Отставной кавалер. Ненужная вещь, которую потеребили-подергали да и вышвырнули вон. Вышвырнули и забыли и с тех пор прекрасно без нее обходятся!

Она не удержалась и всхлипнула – громко и жалобно.

Марран криво усмехнулся:

– Не отчаивайся... Вот прекрасный случай предложить мне покровительство.

Она смотрела на него потрясенно. Хотела что-то сказать – и не решилась. Сникла, машинально принялась водить пальцем по краю блюда. Потом снова набрала в грудь воздуха – и выдохнула, так и не проронив ни слова. Заколебалось пламя свечи.

Он оторвал глаза от скатерти:

– Ладно, говори...

Она покусала губы и выговорила, глядя в сторону:

– Можешь ругать меня, говорить, что хочешь... Ты всегда любил меня оскорблять... Но объясни! Объясни, что произошло между вами... Это какое-то затмение... Ты был...

– Любимцем судьбы.

Женщина быстро глянула на собеседника – тот скалил зубы.

– Ну, посмейся... Самое время нам посмеяться... Светлое небо, да Легиар прощал тебе то, что никому на свете не прощал! Господин Бальтазарр Эст, это мрачное чудовище – и играл с тобой на равных! И как вышло...

Она запнулась. Он смотрел на нее с сосредоточенным интересом:

– Ну, продолжай.

– Я хочу спросить, Руал, за что тебя... Только не ври.

Он чуть усмехнулся:

– А ты как думаешь?

Она помедлила. Опустила глаза:

– Я думаю... Что ты сам доигрался. Крутил, вертел, куражился... Есть вещи, за которые...

Лицо его вдруг застыло – и она испугалась. Пробормотала, будто оправдываясь:

– Но была же причина...

Радостно возопил первый утренний петух. Крик этот, не принеся Руалу облегчения, подсказал выход:

– Сейчас рассветет – и я уйду.

– Куда?

– В дальнюю дорогу. Не бойся, я не собирался злоупотреблять гостеприимством... твоей семьи.

Она вспыхнула:

– Ну и не надо было приходить!

– Ну и напрасно пришел...

– Ну и напрасно!

Он шагнул к двери – и наткнулся в полумраке на тяжелую рогатую вешалку.

Его отбросило, будто ударом гигантского кулака. Задыхаясь, он упал на пол, закрывая лицо руками, забился в судорогах...

Она в спешке наполнила стакан темной жидкостью, бормотала заклинания, плела руками сложное невидимое кружево...

Марран не сразу пришел в себя. Он долго смотрел в приоткрывшуюся дверцу печурки, приговаривая про себя: «Это огонь. Это огонь».

– Руал, очнись... ЭТО прошло... Теперь ты снова жив и будешь жить...

Что-то неприятно хрустнуло. Марран раздавил в руке стакан с остатками напитка и теперь наблюдал безучастно, как белую салфетку пятнают черные капли крови.

– Господин Легиар так презирает меня, что не соизволил самолично снять заклятие... Послал мальчишку...

Она устало вздохнула и, принимая из его рук осколки, осторожно провела пальцем по линии пореза.

– Послушай меня, Руал. Ты никогда меня не слушал – послушай хоть раз. Ничего не вернуть и ничего не исправить. Забудь о НИХ, и ты будешь жив...

И она поставила на стол совершенно целый стакан.

Марран разглядывал руку – глубокий порез на ней быстро затягивался.

Скрипнула кровать в соседней комнате. Его собеседница насторожилась было, но ребенок, пошевелившись, затих. Женщина испытующе глянула на Маррана – и глаза их встретились.

– Ничего не исправить... – проговорил он с трудом. – Ты права... Ящерица отращивает потерянный хвост много раз, до бесконечности. Но не всем так везет...

– Руал, – сказала она решительно. – Я помогу тебе во что бы то ни стало.

Он обнажил зубы в нехорошей усмешке:

– Спасибо. Я знал, что обязательно получу нового покровителя... вместо старых!

Она поднялась:

– Ты не смеешь так со мной разговаривать!

– А ты преврати меня во что-нибудь, – посоветовал он без улыбки. – Увидишь, как это просто теперь. – И тоже встал.

Они стояли друг против друга, и ей приходилось задира́ть голову, глядя ему в глаза.

И тогда он ее обнял.

Растерявшись, она заби́лась, как пойманная пичуга. Он оторвал ее ноги от земли и поднял так, что их лица оказались на одном уровне. Она ослабела.

– Прощай, – сказал Руал Ильмарранен по кличке Марран. – Прощай, Ящерица. Я не приму твоего покровительства, как ты когда-то не приняла моего.

И он осторожно поставил ее на пол.

Они снова смотрели друг другу в глаза, и она зади́рала голову выше, чем надо, – чтобы слезы вкатились обратно. Он улыбнулся с трудом – тогда она встала на цыпочки и быстро поцеловала его в запекшиеся губы, чтобы в следующую секунду резко оттолкнуть.

За окном светало – женщина по имени Ящерица отошла к окну, отвернувшись от Маррана.

– Все, – сказала она глухо. – Теперь уходи.

Догорали свечи. На столе осталась белая салфетка, запятнанная каплями крови.

* * *

...Когда я добрался до пристани, солнце уже садилось в горку безмятежных золотых облаков. Ларт виден был изда́лека – одетый во все черное, как и подобает странствующему магу, он взад-вперед расхаживал по пирсу. Ветер живописно развеивал его длинный плащ.

Я смиренно поставил дорожный сундучок у высоких ботфортов.

– Ну? – спросил он скучным голосом.

Я доложил, опустив, впрочем, последний эпизод.

– Это все? – осведомился Ларт, наблюдая за приближающейся шлюпкой.

Я собрался с духом:

– Вам привет, хозяин. От некоего Маррана.

Шлюпка неуклюже привалилась к пирсу. Ларт покусал губу и ничего не ответил. Тогда я обнаглел:

– И попрошу, если можно, в будущем избавить меня от подобных испытаний.

Не ответив ни слова, он круто повернулся и пошел прочь, навстречу матросам из шлюпки, которые, кланяясь и приседая, приглашали нас занять места на зафрахтованном суденышке.

В каюте на двоих, самой роскошной на этой посудине и все равно удивительно тесной и темной, я разбираю багаж, слушая доносившийся с палубы через приоткрытое окошко разговор Ларта с капитаном. Они уточняли курс: хозяина, как всегда, тянули рифы и мели, шкипер несмело возражал. Наконец звякнули монеты, и разговор был свернут. Заскрипели ступеньки, противно подпела дверь, каюта наполнилась сначала мутным вечерним светом, а затем Лартом, который за все задевал кончиком шпаги и вполголоса ругался. Я помог ему снять плащ. С палубы доносились поспешные команды, грохот якорной цепи и суматоха отплытия.

Ларт обрушился на койку, не снимая сапог. Я стал зажигать свечку, в этот момент суденышко качнулось, и я чуть было не свалился на хозяина. Ответом было презрительное мычание. Я извинился.

Кораблик лег на курс, наполнив паруса вечно попутным по Лартовой милости, но от этого не менее холодным ветром. Этот ветер пробрал меня до костей, пока я ходил справляться об ужине. Вернувшись, я застал хозяина в той же позе и в том же состоянии духа.

– Нас накормят, – сообщил я, усаживаясь. Ларт отозвался невнятно.

Проследив за его неподвижным взглядом, я с трудом разглядел на темном потолке толстого паука в паутине. Я не думал, что на корабле могут быть пауки, но деловито осведомился:

– Убрать?

Ларт не ответил.

Некоторое время мы слушали завывания ветра и плеск воды за бортом.

– Значит, он передавал мне привет? – заговорил со мной Ларт впервые за этот вечер.

– Горячий, – ответил я осторожно.

– А потом?

– Потом ушел.

– Далеко?

– Я не следил за ним, хозяин.

– И приключение тебе не понравилось?

– Никоим образом.

– Мне тоже, – буркнул он и повернулся лицом к стене.

Но на этот раз молчание длилось недолго.

– Предательство, – сказал Ларт в стену. – Предательство не прощается, Дамир.

Мне вдруг стало жарко – показалось, что он намекает на меня. Я в ужасе стал перебирать в уме свои дела и поступки, гадая, какой из них мог рассердить Ларта, но тут он продолжил свою мысль и отвел от меня подозрение.

– Руал Ильмарранен, – пробормотал он, обращаясь к пауку. – Двойное предательство.

Я тихонько вздохнул с облегчением и тут же насторожился, догадавшись, о ком идет речь.

– Да, – сказал Ларт, будто отвечая на мои мысли. – Марран.

И тут меня осенило: а я ведь его знал! Я делал первые шаги у Ларта на службе, когда этот нахальный и самоуверенный субъект был, помнится, его любимцем.

– Марран, – тем же отрешенным голосом продолжал Ларт. – Маг милостью небесной. Со временем он перерос бы и Эста, да, возможно, и меня... Не успел. Поторопился предать нас обоих. Наказание справедливо.

Он еще хотел что-то сказать, но тут снаружи послышались удивленные крики. Я поспешил выбраться на палубу.

Был темный, беззвездный вечер, мы неслись на всех парусах, а над нами, чуть не задевая за снасти, кружилась белая птица. Птица хрипло кричала, попадая в мутный свет фонарей, а оказываясь в темноте, излучала собственное слабое свечение. Матросы толпились на палубе, задрал головы.

Я быстро спустился в каюту:

– Хозяин, к вам пришли.

Как только Лартова голова показалась из дверного проема, птица камнем кинулась вниз и мертвой хваткой вцепилась колдуну в плечо. Ларт поморщился, а птица склонилась к его уху и с огромной скоростью застрекотала некое сообщение. Выслушав несколько слов в ответ, она захлопала крыльями, сорвалась с Лартова плеча и, уронив на палубу помет, канула в темноту. Все свидетели диалога шумно перевели дыхание, а мой хозяин молча вернулся в каюту.

...До поздней ночи я сидел в кубрике, ел до отвала, пил и делился подробностями из жизни магов. Слушатели смотрели на меня с ужасом и восторгом.

Пошатываясь и потирая живот, я едва добрался до каюты.

Лартов ужин, оставленный мною на столе, стоял нетронутый и давно остыл. Свеча почти догорела.

Мой хозяин сидел на койке, подобрав под себя ноги. Рядом, ткнувшись эфесом в подушку, лежала шпага.

Я остался стоять у двери, переступая с ноги на ногу.

– У нас перемены, – мрачно сообщил Ларт. – Мы меняем курс и завтра высадимся на берег.

* * *

...Это было первое утро за последние три года.

Марран шел проселочной дорогой; ноги, особенно левая, слушались с трудом. Дважды он упал – один раз очень сильно, поскользнувшись на предательски подмерзшей за ночь лужице, и ссадил себе ладони и щеку. Единственный человек, встретившийся Маррану по дороге, был пастушонок со стадом овец; мальчишка, по-видимому, хотел что-то спросить у измученного странника, но испугался и не спросил.

Первой радостью Руала на этом пути было солнце, пробившееся наконец сквозь утренний туман.

Руал надеялся согреться с его появлением – и не согрелся. Ждал, когда пройдет тошнотворная слабость – но она не проходила, а, наоборот, наваливалась все сильнее по мере того, как Руал уставал. А уставал он быстро.

Впереди показался мостик, изогнутый, как дужка ведра, и такой же тонкий. Ильмарранен решил отдохнуть, привалившись к удобным широким перилам. Последние шаги оказались кошмаром.

Второй радостью Руала была минута, когда он повис-таки на перилах и увидел внизу свое неясное отражение в темной бегущей воде.

Некоторое время он безучастно смотрел на себя-под-мостом, потом водная гладь вздыбилась у него перед глазами – невыносимо закружилась голова.

...Когда-то река была теплой, кристально чистой, и в самую темную ночь он различал в потоке плывущую впереди серебряную форель.

Он и сам был форелью – крупной, грациозной рыбиной, и ему ничего не стоило догнать ту, что плыла впереди.

Она уходила вперед, возвращалась, вставала поперек реки, кося на него круглым и нежным глазом. Он проносился мимо нее, на миг ощутив прикосновение ясной, теплой изнутри чешуи, и в восторге выпрыгивал из воды, чтобы мгновенно увидеть звезды и поднять фонтан сверкающих в лунном свете брызг.

Потом они ходили кругами, и круги эти все сужались, и плавники становились руками, и не чешуи они касались, а влажной смуглой кожи, и весь мир вздрагивал в объятьях счастливого Маррана...

А потом они с Ящерицей выбирались на берег, потрясенные, притихшие, и жемчужные капли воды скатывались по обнаженным плечам и бедрам...

...Порыв ледяного ветра подернул воду рябью.

Под вечер мучительного бесконечного дня он увидел мельницу.

Она стояла, как и раньше, в стороне от дороги, за поворотом реки.

Но вода не шумела, обвалилось мельничное колесо. На мельнице царило полное и давнее запустение.

Руал подошел ближе. Из разбитого окна выпорхнул воробей.

Ильмарранен проводил его взглядом.

...Мельник Хант держал мальчишек-подмастерьев в черном теле – они тяжело отработывали на мельнице каждый урок магии.

Хант был средней руки колдуном, но незаурядным бабником – окрестные девушки и молодницы хаживали к нему гадать, привораживать женихов и сживать со света соперниц. Не задаром, конечно.

У мельника были влажные, цвета речной воды глаза – пристальные и насмешливые, прозрачные и непроницаемые одновременно. О нем ходили скверные слухи. Опровергнуть или подтвердить их могли только те утопленники, чьи тела время от времени попадали в рыбацьи сети вниз по реке. Впрочем, люди иногда тонут сами по себе, и если даже среди них случится подмастерье с мельницы или бывшая Хантова подружка – что ж, это не такой уж повод для страшных подозрений.

Хант приходился вассалом Бальтазарру Эсту и платил ему дань. Подмастерья шептались о совершенно невероятных формах, которые эта дань принимала.

Конечно, мельник Хант по своему положению был много ниже блестящего господина Руала, и неизвестно, какой каприз великолепного Ильмарранена сблизил их. Во всяком случае, между мельником и Руалом установились живые, почти приятельские отношения.

К приезду Маррана накрывался стол – Хантова служанка, робкая тощая девушка, сбивалась с ног. Она мучительно стеснялась, прислуживая господину Ильмарранену, краснела и роняла посуду. Марран иногда снисходительно пощипывал ее за единственное выдающееся место – нос.

Подмастерья выстраивались вдоль стены, пялясь на заезжую знаменитость и перешептываясь. Младший до смерти боялся тараканов – и господин Руал охотно потешал публику, превращая его сотоварищей в стаю огромных черных насекомых. Поднималась возня, маленький подмастерье визжал, вспрыгнув на стул, а мельник Хант загадочно улыбался, пуская кольца дыма из своей трубки. Наблюдая эту сцену, господин Руал веселился от души.

Впрочем, странная дружба мельника и Маррана готова была зайти в тупик к моменту, когда на Ханта, его мельницу и уплачиваемую им дань пожелал заявить претензии господин Ларт Легиар, постоянно расширяющий территорию своего влияния и подчинивший себе уже весь левый берег.

Великие маги перегрызлись, как псы.

Мельник охал и жаловался Маррану на притеснения и претензии с двух сторон. Господин Руал, удивительным образом ухитрившийся поддерживать дружбу с обоими соперниками, ободряюще хлопал Ханта по плечу и усмехался покровительственно.

И вот лунной весенней ночью в столешницу дубового обеденного стола был вогнан длинный охотничий нож – так делается, когда двое хотят побиться об заклад.

Подмастерья, поднятые с постелей, служанка в халате и разгоряченный небывалым пари мельник толпились с одной стороны стола, а с другой его стороны высился Ильмарранен:

– Двадцать золотых, мельник! Я ставлю двадцать золотых, что скажешь?

Хант грыз ногти, не переставая загадочно усмехаться:

– Я бы поднял ставки, господин Руал... Уж больно сомнительное это дело... Любого из них мудрено провести, а уж обоих...

Не зря, ох не зря набивал цену Хант! Пари сулило потеху, но и риск тоже, ибо господин Руал брался – ни более ни менее – оставить в дураках и Легиара и Эста. Шутка ли – явиться к Эсту в Лартовом обличье и так спутать все карты, чтобы маги отказались от мельницы по доброй воле... Впрочем, известно ведь, что господин Руал – мастер мистификаций и розыгрышей...

– Посмотрим! Пятьдесят, чтобы не мелочиться. – Конечно, он был уверен в успехе.

Мельник покончил с ногтями и принялся за пальцы:

– Рискуете, господин Руал... Но так тому и быть... Я согласен.

– По рукам? – взвился Ильмарранен.

Мельник протянул сухую короткопалую руку, и над воткнутым в столешницу ножом было заключено пари... Старший подмастерье разбил руки спорящих вялым нерешительным ударом. Громко икнула сонная служанка – а господин Руал расхохотался, обернулся яркой растрепанной птицей и вылетел в приоткрытое окно...

...На заплесневевшем обеденном столе до сих пор темнел глубокий след ножа. Окна разбились, полуоткрытая дверь вросла в землю. Посреди двора догнивала груда пустых мешков.

Ильмарранен повернулся и зашагал прочь.

...Печальная женщина по имени Ящерица склонилась над столом, вглядываясь в темные пятна на белой салфетке. Возился в люльке маленький мальчик – агукал, улыбался, пытался поймать кружащиеся над ним прямо в воздухе цветные шары... Из наполовину прищторенного окна било радостное весеннее солнце, в ярком его потоке волшебные шары покачивались, радужно переливались, то ловко уворачиваясь от маленьких ручек, то приликая к ладошкам. Малыш смеялся.

Его мать нежно разглаживала складки белой ткани, стараясь не касаться пятен крови. Вскоре под ее взглядом они медленно вернули свой красный цвет и ровно засветились изнутри.

* * *

Мы шли, по щиколотку увязая в сыром песке. Мыс остался позади, и суденышко скрылось из виду. Вместе с ним из виду скрылись завтраки, обеды, ужины, крыша над головой и увесистый дорожный сундучок.

Мы шагали налегке – молчаливый Ларт впереди, я следом. На каждый его шаг приходилось полтора моих.

Слева тянулась полоса прибоя, справа – бесконечная каменная гряда. Сюда можно было только приплыть или прилететь.

У меня промокли башмаки. Я догнал Ларта и поплелся рядом, преданно заглядывая в неприятно желчное лицо.

– Хозяин, близится время обеда. Я-то готов сносить превратности пути, но вы обязательно должны регулярно питаться.

– За что я его держу? – угрюмо спросил себя Ларт.

Я поотстал.

Спустя еще час мне было совершенно ясно, что путь наш никогда не кончится. Мы будем вечно идти вдоль полосы прибоя, и сырая стена справа никогда и ни за что не отступит. Я успел трижды отчаяться и трижды смириться, когда Ларт вдруг встал как вкопанный. Я чуть было не налетел на него сзади.

Ларт встал лицом к отвесной скале, погладил ее ладонью и что-то сказал. «Ум-м!» – ответила скала, и в ней открылась черная вертикальная трещина.

Я отскочил так, что оказался по колено в море.

Ларт обернулся и поманил меня пальцем.

– Я обожду вас здесь, – сказал я бодро. – Мне неловко навязывать... – Тут здоровенная волна пихнула меня под зад. Я, теряя равновесие, пробежал несколько шагов вперед и, мокрый как мышь, обрушился к Лартовым ботфортам. Он взял меня за шиворот и впихнул в щель.

Внутри было совершенно темно и неожиданно просторно. Ларт двинулся вперед в полном мраке, а я вцепился в него двумя руками, как в самое ценное свое сокровище. Щель у нас за спинами с грохотом сомкнулась.

Ларт, конечно, видел в темноте и уверенно тащил меня к хорошо ему известной цели. Вскоре во мраке подземелья прозвучал удивительно неуместный здесь скрип открываемой двери – и сразу стало светло.

Мы стояли посреди просторной прихожей, чем-то напоминающей Лартову, причем я уже успел изрядно наследить.

– Орвин! – крикнул мой хозяин. – Орвин!

Ответа не последовало. Я ежился – мокрая одежда липла к телу.

Не дождавшись приглашения, мы (Ларт впереди, я в отдалении) через длинный коридор прошли в комнату, служившую, по-видимому, гостиной. В центре этого огромного полупустого помещения стояло нечто, накрытое плотной черной тканью. Я решил, что это картина.

– Так, – сказал мой хозяин, потер пальцем нос, покусал губу, потом красивым длинным движением выхватил шпагу. Я охнул; Ларт шагнул вперед и кончиком шпаги сорвал ткань со странного предмета.

Это было зеркало. В нем отражались комната, Ларт, часть меня и некий темноволосый мужчина, в котором я узнал хозяйского знакомого по имени Орвин, или Орвин-Прорицатель.

Я отступил.

– Здравствуй, Легиар, – сказал Орвин из зеркала. – Прости, что не дождался тебя. Но сейчас каждая минута имеет значение. Я должен найти разгадку.

Он протянул там, в зеркале, руку – с руки свисала золотая цепочка, на которой болталась опять же золотая пластинка. Гладкая золотая пластинка величиной с крупную монету, со сложной, замысловатой фигурной прорезью в центре.

– Это Амулет Прорицателя, – продолжало отражение, – мой амулет, Легиар. Вчера его тронула ржавчина. Я не хотел верить. Сегодня ржавое пятно растет так быстро, как говорит об этом Завещание Первого Прорицателя, когда предупреждает о явлении Третьей силы. Той самой, в которую ты никогда не верил. Мой долг был предупредить тебя, Ларт, – и я предупредил. Теперь прощай – я должен выяснить, что и откуда нам угрожает. Желаю удачи – она нам понадобится. Прощай.

Отражение дрогнуло и растеклось, растаяло. В зеркале была только комната и Ларт – я благоразумно отошел.

Мой хозяин приблизился к зеркалу, внимательно на себя посмотрел, извлек из кармана гребешок и тщательно расчесался.

– Ах, ты... – пробормотал он в замешательстве. – Клянусь канарейкой... Дрянь, не верю...

Выскользнув из его руки, костяной гребешок раскололся на мозаичном полу.

* * *

Когда-то Руал Ильмарранен умел летать.

Теперь он с трудом мог в это поверить – так тянула его земля.

Земля издевалась над ним, плясала под ногами, как утлая палуба в шторм; земля не желала подчиняться и не желала отпускать. Дорога то и дело ускользала из-под прохуdivшихся подошв, подсовывая вместо себя гнилые ямы, рытвины и пни. Руал был близок к отчаянию.

Сгущалась ночь.

Незаметно подкрался и обступил Ильмарранена со всех сторон низкорослый, больной лесок.

Руал окончательно сбился с дороги.

– Очень глупо, Марран, – сказал он сам себе запекшимися губами. – Глупее исхода не придумал бы и мельник Хант!

Тут под его ногой подломился с треском трухлявый сук, и Ильмарранен рухнул в груды истлевших прошлогодних листьев.

...До чего теплым был золотой песок на речном берегу, под обрывом! В песке этом ползали, обуянные азартом, двое подростков, а между ними – на утрамбованном пяточке – разворачивалось муравьиное сражение. Черными муравьями командовала Ящерица, а юный Марран – рыжими.

Полководцы припадали к земле, подхватывались на ноги, лазали на четвереньках, отдавая неслышные уху приказы покорным и бесстрашным «солдатам». Некоторое время казалось, что силы равны, потом рыжая армия Руала вдруг беспорядочно отступила, чтобы в следующую секунду блестящим маневром смять фланг черной армии, прорвать линию фронта и броситься на растерявшуюся Ящерицу.

– А-а-а! Прекрати!

Муравьи уже взбирались по ее голым загорелым рукам. Она прыгала, вертелась волчком, стряхивая обезумевших насекомых. Черная армия распалась, потеряла управление, перестала существовать.

Марран сидел на пятках, утопив колени в песке, и улыбался той особенной победной улыбкой, без которой не завершалась обычно ни одна из его выходов.

– Ну, что ты теперь скажешь? Что тебе мешало выиграть на этот раз?

С ее языка готова была сорваться отповедь – и вдруг она нахмурилась, ей почудился кто-то наверху, далеко, над обрывом.

– Руал... По-моему, там Легиар... Может, нам лучше уйти?

Он сощурился:

– С чего бы это?

– Мы ведь на его территории... Может, он не любит, чтобы чужие приходили и колдовали у него под носом?

Марран потянулся, бросил насмешливо:

– Ты мне зубы не заговаривай! Сдаешься, не хочешь больше играть – так и скажи... Мне тоже надоело колдовать вполсилы... Ты же с тремя десятками муравьев справиться не можешь!

Девушка вспыхнула:

– Зато ты хвастаешься в полную силу и даже сверх всяких сил! Целуйся с муравьями своими!

Он смешно сморщил нос и протянул:

– Ну, целоваться я хочу с тобо-ой...

Следующие три минуты они возились, как щенки, на недавнем поле боя, хохотали и наби-вали полные рты горячего песка.

– И почему ты такой задавака, Марран, – говорила Ящерица, когда они лежали рядом, сморенные зноем. – Будто бы все можешь...

– А я все могу! – Мальчишка подпрыгнул, будто подброшенный пружиной. – Вот пожелай чего-нибудь!

– Муравьиную пирамиду, – сонно бормотала девушка, – и чтобы вокруг нее был хоровод, а сверху один муравей махал белым флажком...

– Всего-то?!

Ящерица вскочила, вскрикнув, потому что все муравьи округи за две минуты собрались на месте, где только что покоился ее локоть.

Рыжие, красные, черные, забыв о насущных делах, выполняли поспешно прихоть маленького мага. Девушка смотрела, полуоткрыв рот:

– Эй, Марран... Я пошутила вообще-то...

А муравьиный хоровод уже кружился, а пирамида все росла и росла, а Руал Ильмарранен, красный от напряжения, пританцовывал вокруг, шевелил губами, водил пальцами и приседал:

– Ну, флажок! Давай же!

Флажок не получался.

Ящерица уже презрительно скривила губы, когда на вершину пирамиды выбрался-таки изрядно помятый рыжий муравей с лепестком маргаритки наперевес. Марран подскочил с победным воплем.

– Да, это достойно, малыш, – сказали у него за спиной.

Ильмарранен обернулся – перед ним стоял человек, о котором он много слышал и которого впервые видел так близко – великий маг Ларт Легиар.

Ящерица побледнела под слоем загара и резко дернула Руала за рукав. Тот, не глядя, высвободил руку.

– И чей же ты такой, мальчик? – спросил Легиар мягко.

– Ничей, – настороженно отозвался Марран. – Свой. А что?

– Ничего, – пожал плечами маг. – Просто хотелось бы знать, кто твой учитель.

– Никто...

– А врать-то зачем? – удивился Легиар.

– Он не врет, – поспешно заступилась Ящерица. – Он самоучка. И вообще мы уже уходим. – И дернула Руала изо всех сил.

Легиар чуть повернул голову, посмотрел сквозь девушку и обратился опять к Руалу:

– А ты никогда не думал, что время муравьиных игр когда-нибудь закончится?

Марран смотрел на него исподлобья.

– А в мире, мальчик, есть другие... маги, и кому-то из них ты помешаешь, а кто-то станет союзником... Если ты этого захочешь, конечно, – добавил колдун и внезапно вдруг обернулся огромным грифом, хрипло крикнул и взмыл вверх.

Руал, на секунду растерявшись, оторвал от себя пальцы Ящерицы и обернулся соколом.

Несколько секунд – или часов – две хищные птицы носились на страшной высоте, где дыхание спирало от ледяного ветра. А над берегом металась маленькая чайка – пронзительно кричала и не могла подняться выше.

Потом гриф камнем упал вниз и, коснувшись ногами песка, стал господином Лартом Легиаром.

Вслед за ним опустился сокол – и обернулся обессиленным, запыхавшимся Марраном. Маги – молодой и матерый – некоторое время смотрели друг на друга.

– Пошли, – сказал наконец Легиар. – Можешь звать меня Лартом.

– Марран, – ответил Руал, протягивая руку.

Ящерица стояла, утонув по щиколотку в остывающем песке, и смотрела, как они уходили.

...Руал поднял голову – Ящерица все еще укоризненно смотрела на него из-за уродливого темного ствола.

Он наотмашь ударил себя по лицу – удар вышел слабый, но видение исчезло.

Он попытался встать, опираясь на ствол. В ушах у него, то приближаясь, то затихая, звучало тонкое назойливое пение. Тянула к земле тяжелая голова, мешала подняться.

И тут он увидел огонек.

Далеко-далеко, так неясно, что поначалу он и его принял за видение, но огонек не исчезал, мерцал ровно, тепло, приветливо, и Ильмарранен, пошатываясь, двинулся к нему. Он шел, влекомый той силой, которая собирает стаи бабочек вокруг горячей лампы. И огонек сжалился над ним – помедлил и стал приближаться.

Руал пошел быстрее, все еще спотыкаясь, но уже не падая, оставляя лоскутки рубашки на острых сучьях. Огонек обернулся жарко пылающим костром. Руал, потерянный, вышел на широкий перекресток двух дорог.

Сыпались в небо обезумевшие искры. Костер был сложен прямо посреди перекрестка, а чуть поодаль копошились в его пляшущем свете две приземистые человеческие фигуры.

Ильмарранен шагнул вперед, намереваясь просить о приюте. На него не обратили внимания. Бросив хмурый взгляд, землекопы – а это были именно землекопы – продолжали свой тяжелый и грязный труд. Один долбил землю заступом, другой отворачивал ее тяжелой лопатой. Работали в полном молчании.

Руал, не дождавшись приглашения, сам подошел к костру и опустился перед ним на теплую, усыпанную пеплом землю.

Трещали поленья. Один из работающих то и дело отходил от растущей черной ямы, чтобы подбросить дров в огонь. Костер после этого пригасал, чтобы через секунду разгореться яростно и зло.

Руал смотрел в огонь. Из огня смотрела на Руала женщина по имени Ящерица.

Видение прогнал странный звук, раздавшийся совсем рядом. Не то стон, не то хрип.

Ильмарранен с трудом поднялся и обошел костер.

Кроме двоих работающих и непрошеного гостя, на перекрестке все это время находился еще один человек.

Это был древний старик, измученный, изможденный, лежащий на бесформенной куче тряпья. Старик пребывал в бреду: полуоткрытые ввалившиеся глаза не видели ни костра, ни подошедшего Руала. Губы, казавшиеся черными в свете пламени, не переставая, шевелились.

Ильмарранен присел рядом.

Старик, по-видимому, умирал. В его невнятном бормотании иногда различимы были отдельные слова; он то молил остановить кого-то, то шептал в отчаянии: «Заприте дверь». Руал пытался придержать седую мотающуюся голову.

На рассвете, когда яма была уже широка и глубока, умирающий пришел в себя и потянулся рукой к затерявшейся в груди тряпья фляге. Ильмарранен помог ему напиться.

Старик поблагодарил жестом. Руал кивнул. Небо светлело, но костер горел еще ярко. В этом смешанном предутреннем свете старик увидел наконец его лицо.

Рот с черными губами судорожно полуоткрылся; и без того страшные черты умирающего исказились вдруг неслыханным, слепым ужасом.

– Привратник! – выкрикнул он, пытаясь заслониться трясущейся рукой. – Привратник!

Руал отшатнулся.

Старик подался вперед, почти сел, не сводя глаз с Ильмарранена, потом захрипел, содрогнулся всем телом и вытянулся. С почерневшего, застывшего лица так и не сошло выражение смертельного ужаса.

Землекопы, как по команде, бросили заступ и лопату и деловито направились к старику. Тогда Руал, который был не в силах овладеть собой, повернулся и бросился бежать без памяти.

* * *

Голые скалы остались позади, теперь под ногами трещала прошлогодняя жесткая трава. Кроме того, то и дело приходилось пробираться сквозь кусты без листьев, но с колючками.

В жилище Орвина мы немного отдохнули, согрелись и подкрепились. Теперь, правда, казалось уже, что и отдых и еда мне приснились.

Вот уже час перед нами маячила новая цель – замок. Там, как предполагалось, нас ждали ужин и ночлег. Мы шли к замку – замок, похоже, коварно отступал.

Сгущались сумерки, когда мы выбрались на дорогу. Идти по утоптаным колеям было легче, я догнал Ларта и спросил невинным голосом:

– Хозяин, неужели мы прервали морское путешествие из-за маленькой золотой безделушки?

Он так долго молчал, что я уже отчаялся услышать ответ. Но он наконец отозвался:

– Морской компас – тоже безделушка... Но если стрелка начинает бешено вертеться – не надо быть Прорицателем, чтоб заподозрить неладное...

Почти совсем стемнело. Проклятый замок не желал приближаться. Мне стало очень не по себе – не от слов Ларта, а от его тона. Он не ворчал, как обычно, а говорил серьезно.

Я помолчал, но молчать было еще хуже, и я спросил как можно бодрее:

– Хозяин, а что такое Третья Сила?

Он быстро на меня взглянул и отвернулся:

– Скорее всего сказка.

– Тогда почему это вас беспокоит?

– Потому что это страшная сказка.

И тут я по-настоящему испугался. Опять же не от слов. От того, что Ларт не рявкнул на меня, как обычно, и не высмеял, что тоже случалось. Он говорил со мной, как с равным. Значит, что-то действительно не так.

– Ладно... – Ларт ловко поддел ногой плоский камушек на дороге. Камушек описал дугу, но падать не стал, а завис прямо перед нами и вдруг ярко вспыхнул, освещая нам путь огнем, похожим на факельный.

– Ты прав, это меня беспокоит, – продолжал как ни в чем не бывало мой хозяин. – Орвин, как ты знаешь, Прорицатель... Правда, Прорицатели все немного не в своем уме. Их духовный наставник, самый первый Прорицатель, если только он на самом деле существовал, написал Завещание, если только это он его написал. И с Завещанием передал медальон, так называемый Амулет Прорицателя... Ну, медальон-то, без сомнения, существует, ты его сегодня видел. Он золотой и ржаветь, конечно, не может... Если только не появится веская, очень серьезная причина.

Хозяин замолчал, но я уже знал, что это ненадолго. Он говорил бы, даже если бы я был глухонемым. Он просто рассуждал вслух.

– Серьезная причина... – продолжил Ларт после паузы. – Этот Первый Прорицатель, который то ли был, то ли его выдумали, в своем Завещании, если это можно назвать его Завещанием, указал такую причину и назвал ее Третьей Силой...

– ...Если это можно так назвать, – эхом отозвался я.

Он внимательно на меня глянул:

– Ну-ну...

Проклятый замок бросил наконец играть в догонялки и теперь приближался неуклонно, но все же очень медленно.

– А почему Третья? – шепотом спросил я.

– Видишь ли... На свете есть маги и есть не маги. Ты согласен, что маги представляют собой силу?

И светильник его вспыхнул вдруг ослепительным, невыносимым для глаз светом.

– Согласен... – пробормотал я, прикрываясь ладонью.

– Но ведь не маги – это тоже сила, – сказал он, пригасив светильник до обычной яркости, – множество больших дел совершалось мудрыми правителями, благородными героями и так далее. Вот король на троне, он справедливо правит. Вот маг в пещере играет заклинаниями. Вот мы с тобой идем по дороге. Все привычно, все уравновешено. Но Орвин вслед за своим Первым Прорицателем считает, что есть еще Третья Сила, к этим двум отношения не имеющая. Она, эта Третья Мифическая, якобы мечтает воцариться в мире, и воцарение ее несет живущим неисчислимые беды и страдания. Что она собой представляет и откуда возьмется – на это Завещание ответа не дает. Но сама мысль о ее существовании мне противна.

– Хозяин, – сказал я, пораженный, – но лошадь может быть либо жеребцом, либо кобылой, а пациент – либо живым, либо мертвым. Где вы видите третий вариант?

Он не ответил.

Наступила ночь.

Громада замка не освещалась ни одним огоньком, да и Лартов светильник горел теперь тускло и неровно. Дорога круто взяла в гору. Впереди, справа и слева, замаячили темные приземистые столбы, по-видимому, каменные. Мы замедлили шаг.

– Любопытные украшения, – пробормотал Ларт.

Столбы стояли шеренгами вдоль дороги, и на плоской верхушке каждого лежала, свернувшись, каменная змея. Каким бы тусклым ни был свет, их уродливые морды, обращенные к нам, были видны даже лучше, чем стоило.

– Ух, ты! – сказал я с нервным смешком. И услышал то, что боялся услышать, – шипение. В ту же секунду они открыли глаза.

Сначала те, что были рядом, – мы стояли почти между ними. Потом, будто просыпаясь, – те, что были перед нами. А потом по очереди – все остальные.

На нас смотрела целая цепь красных горящих угольков. Вернее, две цепи – справа и слева.

Мне понадобилось все мое мужество, чтобы не броситься наутек. Я ограничился тем, что присел, спрятавшись за хозяина.

– Хорошенькая встреча... – буркнул Ларт.

– Уйдем, хозяин, – взмолился я снизу, – гляньте, как они смотрят!

Смотрели они отвратительно.

– Я пришел сюда, и я пойду дальше, – процедил Ларт обычным своим голосом. – Держись рядом!

И мы двинулись вперед. Это стало возможным потому, что я изо всей силы зажмурил глаза и открыл их только тогда, когда шипение осталось за спиной.

Замок закрыл уже половину черного неба, и был он чернее неба.

– Пришли, – сказал Ларт.

Подъемный мост был опущен. На дне рва маслянисто поблескивала жирная влага.

Ларт вдруг нагнулся, поднял камень и, размахнувшись, запустил его на мост.

Камень тяжело грохнулся о доски, и доски эти тут же вспыхнули. Камень, одетый пламенем, подскочил, как мячик, и ухнул в ров. Вода зашипела, и все исчезло – мост снова стоял пустой и темный.

– Дрянь, – с отвращением сказал Ларт.

– Не слишком ли много сложностей? – спросил я, дрожа всем телом. – Может, поищем другой ночлег?

Налетел порыв ледяного, почти зимнего ветра.

– Теперь уж я точно не уйду, – отозвался Ларт сквозь зубы. – Ну-ка...

И он на одном дыхании выдал длинную раздраженную тираду, не имеющую никакого отношения к родному языку. При первых же его словах мост напряженно выгнулся, как спина разъяренного кота, а чуть погодя ослаб, обвис и разом обветшал. Проклиная все на свете, я шагнул на него вслед за Лартом.

Мы миновали длинную арку, прорубленную в стене, и оказались на внутреннем дворе негостеприимного жилища. Нас приветствовали стаи летучих мышей. Шипастые двери замка неприятно напоминали очертаниями оскаленную пасть.

– Хозяин, – простонал я, – вы уверены, что нас тут накормят, а не съедят?

Ларт хмыкнул с наибольшим презрением, на которое был способен. Будто в ответ зубастая пасть заскрежетала, и гулкий голос угрожающе взревел:

– Кто посмел нарушить покой Великого Волшебника Черного Замка, Который Господствует Над Холмами?!

Когда рокот стих, Ларт обернулся ко мне:

– Ты что-нибудь понял? Кто господствует – Великий Волшебник или его Замок?

– Кто-о?! – взревело невидимое существо, окончательно распугивая нетопырей.

– Да я, – устало объявил Ларт. – Некий Ларт Легиар, если позволите.

Стало тихо. Тишина эта нарушалась только дробным стуком сердца у меня в горле.

– Агм, – обескураженно и далеко не так грозно сказал голос.

– Ну? – процедил мой хозяин.

И двери распахнулись. Быстро, можно сказать, поспешно.

...Великий Волшебник, Хозяин Черного Замка, Который и так далее, встретил нас на лестнице. В одной руке он держал факел, другой запахивал полы домашнего халата.

– Силы небесные, господин Легиар! – воскликнул он суетливо.

– Непросто же до тебя добраться, Ушан, – пробормотал мой хозяин. – Сколько лет ты собираешь всю эту дрянь?

Великий Волшебник захлопал глазами. Не дожидаясь ответа, Легиар отодвинул его плечом и прошел, нагнувшись, в низкую сводчатую дверь.

В пиршественном зале с витражами, фигурами латников и ворохом оружия на стенах мы были единственными гостями. Четыре камина излучали нежное тепло; половину помещения занимал огромный дубовый стол, за которым и восседали мы с Лартом. Великий Волшебник долго и путано извинялся за беспорядок и недостаточную изысканность угощения. Свой халат он сменил на мятый черный балахон, скрывающий в своих складках наметившийся волшебников животик.

– Это безвкусица, Ушан, – вещал мой хозяин, отбрасывая очередную обглоданную кость. – К тому же, клянусь канарейкой, все это собрание монстров никак не соответствует твоему темпераменту. Подай соус, Дамир.

Великий Волшебник напряженно хихикал.

– Действительная ценность всех этих образцов невелика, – продолжал менторствовать Ларт. – Это что, маслины? – Он заглянул в очередную тарелку.

За окнами бушевала непогода. Мы слушали завывания ветра, жмурясь на огонь камина.

Наконец Великий Волшебник стал проявлять признаки нетерпения:

– Могу я узнать... Я так рад видеть вас, добрый господин Легиар, осмелюсь сказать, дорогой Ларт, что позабыл спросить, так сказать, о цели...

Ларт заинтересованно его разглядывал, и не думая приходить на помощь.

– Гм... Должен сказать вам, дорогой Ларт, что если вы намерены предъявить, так сказать, требование... то я готов подтвердить свои вассальские обязательства сразу и не оспаривая.

– Ты же вассал Орвина, – холодно напомнил мой хозяин.

Великий Волшебник на минуту растерялся, пошлепал губами и наконец пробормотал:

– Орвин уехал... Я полагал, что ваш визит, так сказать, следствие...

Ларт отодвинул тарелку:

– Так-так... А если Орвин вернется?

Великий Волшебник съехался.

– Вы не хуже меня знаете, господин Легиар, что он не вернется... Он был очень храбрый, Орвин... Пока не поверил этой безумной книжке. Все твердил про Третью Силу...

Ларт подался вперед:

– Что такое Третья Сила, Ушан?

– Не знаю, господин Легиар. Мне кажется, это бред, который преследует Орвина...

– Ты что же, считаешь Орвина сумасшедшим?

– Да... Нет... Не смотрите так, господин Легиар. Я плохой маг, я перед вами беззащитен.

Но я честный человек...

– Честный человек?! Скажи, Ушан, если явится кто-то сильнее меня, ты так же быстро предложишь ему себя в качестве вассала?

У Великого Волшебника прыгали губы:

– Мои змеи и мои нетопыри не защитят меня... Мой замок стар, сам я слаб... Что же мне делать, господин Легиар?!

Ларт вздохнул и отвернулся. Великий Волшебник тяжело опустился в кресло. Его покачанные плечи вздрагивали.

Стало тихо. Выл ветер за толстыми стенами, да трещали дрова в камине. Ларт смотрел в огонь.

– Я не прав, Ушан, – сказал он наконец. – Прости. Где мы сможем переночевать?

Лицо Великого Волшебника немного просветлело:

– Я велел приготовить комнаты... Чем я еще могу быть полезен, господин Легиар?

– Нам понадобятся лошади. Мы возвращаемся домой.

Часть вторая Скитания

Таверна называлась «Щит и копье», хотя ни один из ее посетителей сроду не держал в руках ни того, ни другого. Самым воинственным человеком в округе был Угл, отставной солдат на деревяшке. В былые времена его превосходила боевитостью матушка Регалар, жена трактирщика, но она вот уже три года как умерла, и с тех пор старик Регалар с племянницей управлялись вдвоем. Постояльцы в гостинице были редкостью, зато каждый вечер обеденный зал заполнялся окрестными фермерами – трактирщик давно бы разбогател, если бы не пагубная привычка давать в долг.

Было довольно рано, посетители едва начинали собираться, но старый Угл, завсегдатай, восседал уже на своем обычном месте, у стойки, и шумно приветствовал каждого нового гостя. Регалар гремел посудой на кухне, а его юная племянница бегала с кружками пива на маленьком подносе.

– А! – скрипел вояка Угл. – Вот и старина Крот! Самое время промочить глотку! – Или: – А вот и Виль, глядите-ка! – И через минуту: – Ага, и Крокус явился! Ну и денек сегодня выдался, верно? Лина, пива!

Розовощекая веснушчатая Лина бухнула перед ним на стол огромную, в белой шапке пены, янтарную кружку. Он привычным жестом потрепал девушку по щеке.

Трактирщик вышел, чтобы поприветствовать гостей, и снова вернулся к очагу. Зал наполнялся; голоса сливались в нестройный гул. Говорили в основном о видах на урожай да еще опасно пересказывали слухи о банде разбойников, якобы объявившейся в округе. Подвыпивший Угл, подозревая Лину, туманно рассуждал о смотринах и женихах. Та слушала, залившись краской. В это время хлопнула дверь.

– А вот и... – привычно начал, обернувшись, Угл и вдруг загнулся. Он не мог опознать человека, стоящего у входа, а такое случалось с ним нечасто и само по себе уже было событием.

Будто уловив фальшивую ноту в слаженной песне, собравшиеся по очереди замолчали и обернулись к дверям.

Вошедший был молодой мужчина в простой запыленной одежде, с котомкой за плечами и широкополой шляпой в опущенной руке. Никто из сидящих в зале никогда его не видел.

– Вишь, как, – прервал наконец Угл неловкое молчание. – Входите, молодой господин, поскольку тут собралась достойная компания. Лина!

Шум возобновился, правда, несколько тише, чем до этого. Девушка усадила гостя за единственный свободный столик. Тот положил рядом котомку, сверху бросил шляпу и устало вытянул ноги.

Со всех сторон его изучали. Любопытные взгляды разгуливали по прохудившимся сапогам, выдавшей вида куртке и дырявой котомке. В лицо незнакомцу, однако, смотреть избегали, будто стесняясь.

Ни о чем не спрашивая, Лина поставила перед посетителем тарелку бараньего жаркого и кружку пива.

– Спасибо, милая девушка, – проронил незнакомец.

Лина вернулась за стойку, так и сяк повторяя про себя его слова.

После того как пришелец был рассмотрен, изучен и перемыт по косточкам, разговоры за столами вернулись в обычное русло. Лина отправилась на кухню к трактирщику.

– Папаша, – так она обычно звала своего дядю, – папаша, там чужой человек. Одет попростому, а лицо как у господина. Я подала ему, а он назвал меня «милой девушкой».

– Хм... А расплатиться он сумеет? – поинтересовался трактирщик и, влекомый любопытством, направился в обеденный зал.

Незнакомец расправился с содержимым тарелки и явно повеселел. Поднявшись навстречу Лине, он вдруг отвесил церемонный поклон, так что та смутилась.

– Милая девушка, вы спасли меня от голодной смерти. У вас не будет повода сомневаться в моей благодарности, – объявил он торжественно и вытрусил из тощего кошелька несколько медных монет.

«Ишь ты», – подумал старый Угл.

«Как он говорит!» – подумала Лина.

«Беден, как крыса», – подумал трактирщик и решительно шагнул вперед:

– А позвольте узнать, мой господин, какая такая надобность привела вас, человека нового, незнакомого, в наши заброшенные и ничем не примечательные края?

Незнакомец обнажил вдруг в улыбке два ряда блестящих зубов:

– Рад, что моя персона заинтересовала вас, добрый трактирщик... Я – путешественник и знаменитый охотник за бабочками, но иногда не прочь наняться на работу... Дрова колоть, воду носить, детей нянчить, шить, мастерить, играть на музыкальных инструментах... Не надо? – он вопросительным взглядом окинул примолкших гостей.

Кто-то удивленно фыркнул.

Трактирщик между тем вдруг отступил, потом снова приблизился, не сводя с гостя напряженного взгляда. Тот подмигнул Лине, взял со стола бутылочную пробку и вставил в глаз, подобно моноклю.

– Быть не может! – воскликнул тут трактирщик громко и радостно.

Он пританцовывал на месте и в восторге хлопал ладонями по коленям.

– Господин Руал Ильмарранен собственной персоной!

Пробка выпала из широко открывшегося глаза. Улыбка застыла на лице незнакомца.

– Видано ли! – причитал Регалар. – У меня, здесь, так запросто!

В трактире стояла удивленная, исполненная любопытства тишина.

– Вы не помните меня, господин Ильмарранен? Три года назад! На ярмарке в Ручьях! Мы еще в кегли играли... И студент этот... И кондитер... Вот компания! Помните? Лина! – Он порывисто обернулся к племяннице. – Да познакомься же с настоящим великим магом!

При слове «маг» все пришло в движение. Люди вставали, лезли на скамьи, возбужденно галдели, стараясь разглядеть нечто новое в таинственном посетителе.

– Вы меня не узнаете, господин Ильмарранен? – Трактирщик, казалось, готов был заплакать. – Вы угощали нас всю ночь... Студент под стол упал... А вы творили чудеса, помните? Помните, как перепугался ночной дозор?

И, вдохновленный, раскрасневшийся, он обернулся к восторженным зрителям:

– Почтеннейшие, это было немыслимо и потому незабываемо! Грубые стражники назвали нас дебоширами, представьте! Они даже хотели нас задержать, но господин Руал...

Трактирщик вдруг скорчился, сотрясаемый внезапным приступом смеха:

– Госпо... дин Руал... Одним махом превратил их в винные бутылки... А сам обернулся штопором... Смеху было! Бедняги перепугались до смерти... Получив обратно человеческий облик, бежали без оглядки, а пики побросали... А господин Руал превратил пики в... в...

Трактирщик окончательно зашелся смехом. Свидетели этой сцены, по-видимому, слышали его историю не впервые – оживление нарастало.

– Да, дружище... – пробормотал странный гость. – Не очень-то удачно... А дело, собственно, в том...

– О! – Отсмеявшись, трактирщик перешел на оглушительный шепот. – Вы путешествуете инкогнито, понимаю! Прошу прощения, но здесь ведь все милейшие, достойные люди – все свои! Это – Лина, моя племянница...

– Вот что, – хмуро сказал молодой человек и встал. Взялся за котомку. Шагнул вперед... И встретился взглядом с двумя восторженными васильками. Зрачки у Лины были неправдоподобно широкими – давно, очень давно на Руала Ильмарранена так никто не смотрел.

– Вы правда... Настоящий? Всамделишный волшебник? Да?

Он перевел дыхание.

– Конечно... – И добавил, по-прежнему глядя на девушку: – Конечно, я узнал вас, дружище Регалар.

...Тысячи людей из разных селений и городов могли похвастаться личным знакомством с Руалом Ильмарраненом. Гордый, иногда надменный до чванства, он мог вместе с тем кутить в одной компании с лавочниками, портными, студентами – все одинаково его боготворили.

Однажды в городе Мурре он на спор превратил белую мышь в оперную певицу, и та весь вечер блистала на сцене местного театра, чтобы ровно в полночь юркнуть в норку на потеху честной компании.

В тот же день он спьяну наделил даром речи башенные часы на ратуше, чем причинил жителям множество неудобств, так как у часов обнаружился оглушительный бас вдобавок к скверному характеру.

В поселке Мокрый Лес господин Руал повздорил со старостой и сгоряча превратил его в мула; одумавшись, задумал обратное превращение, да только мул-староста уже затерялся в общем стаде, и господин Руал, махнув рукой, превратил в старосту первое попавшееся животное. Никто из сельчан не заметил подмены.

Выходка, о которой вспомнил трактирщик, была лишь звеном в длинной и славной цепи. Однако неудивительно, что добрейший Регалар запомнил этот случай на всю жизнь.

...Руала окружили, засыпали вопросами, старались незаметно потрогать. Кто-то засомневался и поспорил, кто-то намекнул на то, что неплохо бы, мол, своими глазами увидеть подобное чудо. Трактирщик рявкнул на маловерных: он-де, Регалар, чудеса-то видывал! Он бы не рискнул на месте некоторых раздражать господина Руала – худо будет! Толпа тут же отхлынула, а трактирщик потащил Ильмарранена в собственную комнату, где чествование продолжалось. В дверь то и дело просовывались чьи-то любопытные носы. Широкий дубовый стол ломился от яств и кувшинов.

Далеко за полночь, когда гости давно разошлись, а Лина тихонько прикорнула на сундуке в углу, трактирщик, сжимая Руалову руку и с трудом ворочая языком, горячо убеждал:

– Оставайтесь, господин Руал. Смею заверить, милейший господин... Очень нуждаемся в вас... Вдруг засуха... Или потоп там... Заболеет кто или расшибется... Оставайтесь! Дом вам всем миром... Отблагодарим, не обидим... Смею заверить...

Руал тупо смотрел в пол и, тоже с трудом произнося слова, отвечал все одно и то же:

– Дело необы... необычайной важности призывает меня в дорогу.

Из угла сонными, влюбленными глазами смотрела осоловевшая Лина.

В эту ночь, впервые за много ночей, Руал Ильмарранен засыпал на пуховой перине. Он был совершенно пьян – не столько от терпкого вина, лившегося рекой за обильным ужином, сколько от всеобщего восторженного поклонения. Переживший тяжелые времена, истосковавшийся по вниманию к собственной персоне, Марран засыпал со счастливой улыбкой на потрескавшихся губах.

Сладко кружилась голова; чистые простыни пахли свежескошенной травой, а за окном бледнело небо, гасли звезды. Марран глубоко, умиротворенно вздохнул, закрыл усталые глаза и повернулся на бок, ткнувшись щекой в согнутый локоть.

...Онемевшие руки, деревянные колени, спертый запах мокрых плащей и курток, ленивая муха, ползущая по щеке... По месту, где должна быть щека... Открывается входная дверь,

промозглым холодом тянет по сведенным судорогой ногам, и шуба, ненавистная шуба свинцовой тяжестью наваливается на пальцы, пригибает к земле...

Руал вскочил, хватая воздух ртом, мокрый, дрожащий, раздавленный ужасным воспоминанием.

За окном вставало солнце.

* * *

...Был вечер. Ларт сидел за клавесином.

У него был старинный, изящный инструмент работы великого мастера, хрупкое произведение искусства с чудесным звуком. И он не умел на нем играть.

Конечно, он мог заставить клавесин играть самостоятельно, и тогда в библиотеке, где тот помещался, звучали дивные концерты.

Но когда хозяина охватывало романтическое настроение, он зажигал свечи, ставил на пюпитр первые подвернувшиеся ноты, садился на вертящийся стул и задумчиво колотил то по одной, то по другой клавише, внимательно вслушиваясь в резкие, немзыкальные звуки, которые при этом получались.

Эти звуки явственно доносились в соседнюю с библиотекой гостиную, где я перетирал бархатной тряпкой золотой столовый сервиз на сто четыре персоны.

Гостиная, обширное помещение со сводчатым потолком, утопала в полумраке. Посреди нее помещался стол, дальний конец которого терялся из виду. С портретов на стенах презрительно щурились Легиаровы предки; все, как один, они походило на Ларта – Ларта, с которым случился крупный карточный проигрыш. Узкие окна были наглухо завешаны красными бархатными портъерами – тяжелыми, громоздкими, снабженными золотыми кистями. Кисти эти жили своей обособленной жизнью – подергивались, вздрагивали, сложно шевелились, как водоросли на дне. Однажды я видел своими глазами, как одна такая кисть поймала муху и съела.

Жалобно вскрикивал истязаемый Лартом инструмент. Я задумчиво водил тряпкой по тусклому зеркалу большого плоского блюда. Вычищенная перед этим посуда была уже водворена обратно в шкаф и тихонько возилась там, устраиваясь поудобнее.

Ларт нажал на несколько клавиш сразу – я увидел, как болезненно сморщилось мое отражение на матовой поверхности блюда. Развлекаясь, я показал себе язык. Потом скорчил гримасу отвращения, которая, бывало, часами не сходила у Ларта с физиономии. Получилось на удивление похоже.

Раздухарившись, я придал своему лицу выражение мрачной мечтательности, с которой Ларт сидел за клавесином, – и покатился со смеху, чтобы через секунду угрожающе сдвинуть брови. Тут вышла заминка, потому что у Ларта одна бровь была выше другой. Старательно гримасничая, я поднес зеркальное блюдо к лицу, взгляделся в отражение – и отпрянул.

За моей спиной, там, в глубине гостиной, маячила в полумраке темная человеческая фигура.

Я оглянулся – и никого, конечно, не увидел. Тусклая лампа едва освещала ближайших ко мне Лартовых предков.

Уняв дрожь, я решил снова заглянуть в свое зеркало.

Тот, который там отражался, преодолел уже половину пути и находился теперь где-то у середины стола.

Я взвыл. Ларт, умолкнув было, через секунду возобновил свои упражнения. Тогда я бросился вон из гостиной и поспешно захлопнул за собой дверь.

За дверью осталась забытая мною лампа. К счастью, мой хозяин играл не переставая и этим дал мне возможность ориентироваться в темноте.

Вломившись в библиотеку, я несколько успокоился. Ларт бросил на меня невнимательный взгляд и извлек из инструмента длинную резкую трель. Горели свечи по сторонам пюпитра, да поблескивали золотом корешки массивных волшебных книг.

– Ммм... – начал я. И опять увидел того, что отражался. На этот раз в крышке клавиатура, отполированной до блеска. Я замер с открытым ртом.

– Почему ты не докладываешь? – поинтересовался Ларт.

Он захлопнул ноты и резко повернулся ко мне на своем вращающемся стуле.

– Почему ты не докладываешь о посетителе?

Я молчал, не в силах выдать из себя ни звука.

– Здравствуй, Легиар, – сказали у меня за спиной.

Мой хозяин поднялся.

– Здравствуй, Орвин, – сказал он со вздохом. – Я уж отчаялся тебя увидеть.

Орвин, он же Прорицатель, имел привычку сидеть прямо, как шест, и постоянно потирать кончики пальцев. Ларт любил глубокие кресла и разваливался в них, как хотел.

– Он ржавеет, Легиар, – двадцать пятый раз повторил Орвин. Голос у него был напряженный, какой-то жалкий, будто речь шла о чьей-то неизлечимой болезни.

– Ты не узнал ничего нового, – безжалостно констатировал мой хозяин.

– Ты не веришь мне...

– Нет, верю – и чрезмерно. Достаточно того, что я не уехал на острова, а сижу и жду от тебя вестей. И, клянусь канарейкой, это бесплодное ожидание...

– Я принес тебе весть, Легиар! – почти выкрикнул Орвин.

Ларт поднял бровь:

– «Он ржавеет» – это ты хочешь сказать?

Орвин подался вперед и заработал пальцами вдвое быстрее.

– Ты не веришь мне, Легиар... Ты расквесишься. Вот уже три дня меня мучит прорицание.

Оно во мне, оно рвется наружу.

И Орвин вскочил. Я, наблюдавший эту сцену из-за прикрытой двери, опасливо подался назад.

– Зажги огонь, Легиар! – вдохновенно потребовал Орвин. – Я буду прорицать!

– Сейчас? – желчно осведомился мой хозяин.

– Сейчас! – твердо заявил наш гость.

Ларт сбросил скатерть с низкого круглого стола, помещавшегося в его кабинете. Под скатертью поверхность столешницы была покрыта резной вязью полуразличимых символов. В центре стола торжественно водружены были три толстых свечи.

Обо мне забыли. Я спрятался за Лартовым креслом.

Орвина трясло, как в лихорадке, и лихорадка эта усиливалась. Глаза его не могли, казалось, задержаться ни на одном предмете. Пальцы сплетались и расплетались самым причудливым образом.

Ларт искоса взглянул на свечи – и они вспыхнули, все три разом, причем пламя их через некоторое время странно изогнулось, и все три язычка встретились в одной точке над центром стола.

Орвин дрожащими руками извлек нечто из-под рубашки – это был злосчастный медальон. Я глядел во все глаза, но разобрал только, что наполовину медальон золотой, а наполовину коричневый, ржавый.

Свечи пылали, как ритуальный костер. На стенах плясали тени.

– Давай, – сказал мой хозяин.

Орвин, как бы через силу, поднял Амулет к своему лицу и посмотрел на пламя сквозь необычной формы прорезь. На его лицо упала изломанная полоска света. Ларт отрывисто каркнул заклинание. Свечи вспыхнули синим. Орвин издал низкий металлический звук, потом заговорил быстро, но четко и внятно:

– Идут беды, о, идут! Вот зеленая равнина и путник на зеленой равнине. Огонь, загляни мне в глаза! Горе, ты обречен. Земля твоя присосется, как клещ, к твоим подошвам и втянет во чрево свое... Чужой смотрит в твоё окно и стоит у твоей двери. Умоляю, не отпирай! Огонь, загляни мне в глаза! С неба содрали кожу... Где путник на зеленой равнине? Леса простирают корни к рваной дыре, где было солнце... Она на твоём пороге, её дыхание... Загляни в глаза. Я вижу. Я вижу! Среди нас её дыхание. Посмотри, вода загустела, как черная кровь... Посмотри, лезвие исходит слезами. Петля тумана на мертвой шее. Дыхание среди нас. Среди нас. Она... Она... Грядет!

Орвин запнулся, со свистом втянул воздух и выдохнул:

– Спроси.

– Кто она? – в ту же секунду подал голос мой хозяин.

– Третья Сила, – почти сразу отозвался Орвин. Я похолодел.

– Чего она хочет? – продолжал спрашивать Ларт.

– Земля твоя... присосется, как клещ, к твоим подошвам...

– Знаю, – раздраженно прервал его Легиар. – Чего она хочет сейчас, там, на пороге?

– Она ищет, – Орвин запнулся, – Привратника...

– Для чего?

– Чтобы открыть дверь...

– Какую дверь?

– Открыть дверь... С неба содрали кожу... Посмотри, вода загустела, как черная...

Ларт решительно прервал эту череду ужасов:

– Кто – Привратник?

Орвин хватал воздух ртом:

– Он между... Он не... Он маг, который не маг...

– Что это значит?

– Он... – начал было Орвин. И вдруг замолчал.

– Ну?! – выкрикнул Легиар.

В тот же момент свечи погасли. Комната погрузилась во тьму. Прорицание, по-видимому, закончилось.

* * *

На заднем дворе Регаларова трактира было солнечно и безлюдно. Руал Ильмарранен валялся на траве в тени забора. Прямо над ним в горячем полуденном небе неподвижно висел коршун.

Руал лежал, раскинув руки; временами на него накатывали волны сладкого дремотного головокружения, и тогда начинало казаться, что это он, Марран, парит неподвижно в зеленом небе, а коршун лежит, раскинув крылья, на голубой траве в тени забора.

– Тихо, ты! Разбудишь!

Руал вздрогнул и очнулся.

Тень, покрывавшая раньше его с ногами, укоротилась теперь до колен. Коршун исчез, зато за забором кипела, по-видимому, бурная жизнь – возбужденно шептались тонкие голоса, да мигали круглые глаза в дырочках на месте сучков.

– Да тихо же! – повторил голос, который, собственно, и разбудил Руала.

За верхний край забора уцепилась маленькая рука, и сразу же после этого прямо на грудь Руалу шлепнулся небольшой темный предмет. Ильмарранен незаметно скосил глаза – на его рубашке лежал кверху лапами большой бронзовый жук, от изумления и ужаса прикинувшийсядохлым.

За забором послышался приглушенный ликующий визг.

«Ну-ка», – подумал Руал.

Он мысленно сосчитал до пяти, по-прежнему лежа с прикрытыми глазами, потом медленно, чтобы не спугнуть зрителей, поднял голову и, будто спросонья, огляделся. За забором затаили дыхание.

– Кто меня звал? – громко и значительно спросил господин волшебник. Жук скатился с его груди и свалился в траву. Глаза в шелках часто замигали.

Руал замер, будто прислушиваясь. Потом испустил вдруг негодующий вопль и, встав на колени, склонился над местом, куда упал жук.

– Отзовитесь! – бормотал он тревожно. – Отзовитесь, господин Жук!

Осторожно, двумя пальцами, он выловил наконец несчастное насекомое и усадил к себе на ладонь. Жук по-прежнему не желал подавать признаков жизни.

«Оживай, дружок», – весело подумал Руал. Он поднес жука к самому уху:

– Что? Говорите громче!

– Ухх! – забыв об осторожности, громко сказали за забором. – Волшебник... Ух, волшебник!

Руал тем временем нахмурился:

– Как? Да это же возмутительно! Говорите, схватили вас и посадили в душный карман?!

С улицы донесся перепуганный топот – видно, жук мог рассказать много чего нехорошего.

Еле сдерживая смех, Руал заглянул в щель со своей стороны забора. Ребятишки – с полдюжины – сгрудились на противоположной стороне улицы, прячась друг за друга и готовые в любую секунду снова задать стрекача.

– Идемте! – громогласно предложил Ильмарранен зажатому в кулаке жуку. – Я доставлю вас туда, куда вы сами пожелаете. Ведите же!

И Руал широкими шагами направился к калитке.

Он шагал по главной улице поселка, держа перед собой жука на вытянутой ладони. Все живущие по соседству девчонки, девицы и даже солидные хозяйки ринулись поливать цветы в палисадниках или развешивать во дворах чистое белье, а те, что были попроще или просто ничего не успели придумать, прилипли к окнам, грозя их выдавить.

Ребятишки трусили следом на порядочном расстоянии. Их стало почти вдвое больше.

На околице, где вдоль дороги лежало старое поваленное дерево, процессия остановилась. Жук, выпущенный на трухлявый ствол, тут же скрылся в какой-то щели. Руал проводил его напутственным словом. Маленькие свидетели этой сцены были до того потрясены, что потеряли осторожность и подошли совсем близко. Руал обернулся – зрители шарахнулись с воплями ужаса.

... Спустя полчаса все вместе мирно беседовали, сидя на поваленном стволе.

– И вы со всеми-всеми зверями можете говорить? – в восторге спрашивал конопатый мальчишка по имени Ферти, являвшийся, по-видимому, заводилой.

Руал значительно кивнул.

– А за морем вы бывали? – поинтересовался другой мальчишка, с царапиной на щеке.

– А как ты думаешь? – серьезно отозвался Ильмарранен. – Неужели я похож на волшебника, который и за морем-то не побывал?

– Не похожи... – смутился тот.

– А правда, – вступил в разговор щуплый парень по имени Финди, – правда, что там живут люди с песьими головами?

– Правда, – подтвердил Руал. – Но очень далеко.

– А драконы? Вы летали когда-нибудь на драконах?

– На драконах нельзя летать, – объявил Руал твердо. – Драконы – страшные и кровожадные существа. И очень коварные. Их взгляд обращает в камень, а из пасти вырываются столбы огня, сжигающие все дотла!

Слушатели опасливо огляделись, желая удостовериться, что дракона поблизости нет.

– Значит, с ними не справиться? – шепотом спросил робкий Финди.

Руал улыбнулся широко и победоносно.

– Существуют люди, посвятившие всю жизнь борьбе с драконами! Однажды я... – И Ильмарранен вдруг ощутил невиданный прилив вдохновения.

Ребятишки вскрикивали, закрывали от ужаса глаза; в самом страшном месте Финди даже зажал уши ладонями. Когда Руал победил-таки чудовище и рассказ закончился, все вместе некоторое время приходили в себя, обессиленные страшным приключением.

– А... великаны? – спросил, отдышавшись, неумный Ферти.

– Случалось мне встречаться и с великанами, – охотно отозвался Руал.

– Не надо! – в панике закричал Финди.

Руал, рассмеявшись, положил ему руку на плечо:

– Да их-то бояться нечего! На случай встречи с великаном надо иметь при себе немного табака – великаны не переносят табачного запаха.

– Ух ты...

– Если кто и опасен, – продолжал Руал, посерьезнев, – так это свой же брат волшебник... Многие маги жестоки и завистливы. Они боятся соперников и всем жертвуют, чтобы сжить их со света... Жили однажды два могущественных колдуна, жили рядом и враждовали между собою. Случилось так, что в тех краях объявился третий волшебник – молодой, веселый, превосходящий магической силой любого из них. Думали-думали колдуны, как избавиться от юного соперника, – даже вражду свою позабыли на время. И придумали они хитрость – напали на него внезапно и превратили в каменного льва...

Руал перевел дыхание. Ему вспомнился нож, воткнутый в столешницу широкого стола: «Заключается пари между Ильмарраненом и Хантом... в том, что вышеупомянутый Ильмарранен избавит мельницу Ханта от притязаний как господина Легиара, так и господина Эста... Причем вышеупомянутый Ильмарранен оставляет за собой право действовать как магическим мастерством, так и хитростью... Разбейте руки!»

– А дальше? – шепотом спросил мальчишка с поцарапанной щекой.

– Дальше... – протянул Руал. – Дальше молодой маг освободился от чар и страшно отомстил этим колдунам... Они жалко просили пощады, но он все же отомстил.

Слушатели сидели тихо, как мыши. Ильмарранен яростно тер переносицу, стараясь избавиться от ненужного, неприятного воспоминания – Бальтазарр Эст сжимает в щелочку холодные, высасывающие волю глаза: «На две стороны смотришь, Марран? В два гнезда червячков носишь? Стравил двух старых дураков, как бойцовых крыс на ярмарке, и в ладоши плещешь?»

Руал тряхнул головой. Ребятишки нетерпеливо ерзали на стволе поваленного дерева, не понимая, почему господин волшебник вдруг замолчал.

Стараясь овладеть собой, Ильмарранен поднял голову. Коршун опять висел в зените.

– А у кого в поселке рыжие чубатые куры? – озабоченно спросил вдруг Руал.

Мальчишки обескураженно переглянулись.

– У нас, – протянул обладатель поцарапанной щеки. – И у дядьки Крокуса...

– Скажи матери – пусть проследит... Коршун рыжую курицу давно себе наметил, того и гляди – унесет...

- Вы читаете мысли коршуна?! – поразился сын пекаря по имени Пач.
- Конечно, – благожелательно подтвердил Руал. – Только надо, чтоб было тихо...
- Тихо все! – завопил Ферти.

И в наступившей тишине до них вдруг донесся отчаянный плач. Плач накрыли потоки ругани, изрыгаемые другим голосом. Хлопнула дверь дома, что-то тяжелое упало и покатилося в глубине крайнего, на отшибе, двора. Мальчишки вскочили.

- Это Нил, – испуганно сообщил Финди. – Его опять хозяин лупит!..
- ...Ильмарранен ногой распахнул ворота. Сапожник удивленно обернулся.
- Оставь ребенка! – это было даже не приказание, а повеление.

Рука с ремнем неуверенно опустилась. Из-за пленницы показалась растрепанная темная голова с красными от слез глазами.

Волшебник, стоящий в воротах, был страшен.

- Я превращу тебя в крысу, сапожник.
- А... ня... – промямлил в ужасе верзила.
- Я наверняка сделаю это, если ты еще хоть раз тронешь мальчишку!
- Ремешок выпал из трясущейся руки. Но в проеме ворот уже никого не было.
- А я б его превратил! – раздухарился Ферти.

Остальные возбужденно галдели.

– В крысу! – горячо поддержал Пач. – Вы ведь не знаете, господин волшебник, а он Нила каждый день лупит почему зря!

- Теперь перестанет, – пообещал Руал.
- Еще бы... – вздохнул кто-то. И добавил вождельно: – Вот бы школьного учителя так...
- Все ахнули – такой замечательной показалась эта мысль.
- Вы не останетесь у нас до осени? – осторожно спросил Финди.
- Я уйду, – с сожалением сказал Руал. – Послезавтра. Или через два дня.
- В толпе мальчишек он был похож на одинокую мачту среди бурного моря.
- А если я вам что-то дам? – Это нахально торговался Ферти.

Руал усмехнулся:

- Что, например?
- Свисток, – Ферти рылся в карманах, – и вот еще, подкова.
- Очевидно, по значимости подарок равнялся для мальчишки половине царства.
- Ну... – Руал, раздумывая, поднял брови.
- А если я тоже что-то подарю? – несмело вмешался Пач.
- И я...
- И я...

Они без сожаления вытаскивали из карманов гвозди, свистульки и цветные стеклышки. Явились на свет лягушачья лапка, гладкий камушек с дыркой, ржавая часовая цепочка и живая ящерица.

Руал внезапно помрачнел:

- А вот это нельзя. Это никогда нельзя. Дай сюда!

Он бережно принял ящерицу в раскрытые ладони. Несколько секунд они смотрели друг на друга – глаза в глаза. Потом Ильмарранен наклонился и выпустил пленницу в придорожную траву. Мальчишки благоговейно на него тарасились.

- Ящериц нельзя трогать, – сказал Руал глухо. – Никогда-никогда. Не вздумайте.
- Все согласно закивали головами.

– За подарки спасибо, – продолжал Руал, поворачивая обратно в поселок. – Но я ничего, к сожалению, не возьму. Мне все равно придется уйти. – Тут он подмигнул Финди, у которого на глазах выступили слезы.

Тот отвернулся, сопя, запустил руку глубоко в карман и извлек со дна его нечто, представляющее, по-видимому, огромную ценность.

– Это хрустальный шарик... – прошептал он, заглядывая Руалу в глаза. – Возьмите, господин волшебник... Ни за что, просто так... Возьмите!

Финди разжал кулак – солнце заиграло в толще большого, действительно красивого стеклянного шара.

– Дурной, отдает... – громко сказали у Руала за спиной.

Руал хотел отодвинуть руку с шариком, но встретился с мальчишкой глазами и не отодвинул.

– Возьмите... – повторил Финди.

– Спасибо, – вздохнул Марран.

Показался трактир. На пороге стояла Лина, прикрыв глаза ладонью.

– Спасибо... – повторил Руал, машинально опуская шарик в карман, и, улыбаясь, зашагал ей навстречу.

Но она уже не смотрела на него. Она увидела что-то в конце улицы, и лицо ее вдруг странно изменилось.

– Вставайте... Люди... Беда!

Повсюду распахивались окна и двери.

– Напасть! Разбойники!

Кто-то громко ахнул у Руала за спиной. К трактиру, задыхаясь, подбегал молодой работник с отдаленной фермы. Его перепуганное лицо было залито потом и покрыто копотью.

– Грабители... Ферму подожгли... Будут здесь... – Он давился словами.

– Светлое небо... – прошептала в ужасе Лина.

– Воды, – выдохнул вестник.

Ему дали напиток. Улица перед трактиром быстро наполнялась смятенными, растерянными людьми. Матери в панике звали детей. Финди, Ферти, Пач и прочие пропали в толпе. Кто-то заплакал. На крыльцо выскочил Регалар с поварешкой в руке. С поварешки скапывал красный соус.

– Прятаться надо... В погреб... – бормотал бледными губами лавочник, Регаларов сосед.

– Сожгут ведь... – тонко причитала щуплая старушка, его жена.

– Топоры взять – и на них! – это взвился вдруг старый Угл. На него шикнули сразу несколько голосов:

– Заткнись...

– Молчи, вояка...

– Топоры взять... – не сдавался отставной солдат. – У меня самострел в сарае!

– Самострел у него... Не смей! Из-за тебя всех нас убьют! – плачущим голосом выкрикнул староста – толстый глупый человек, чей авторитет был давно и безнадежно погублен.

– Бежать в лес, быстро! – метнулся долговязый подмастерье.

– Нет, откупиться...

– Откупишься от них, как же... Смотрите, дым!

Все позадирали головы. Черные клубы повергли толпу в еще больший ужас. Люди метались, потеряв рассудок; Лина, по-прежнему неподвижно стоящая на крыльце, деревянно сказала:

– Хутор горит... Звери.

– Молиться надо, – хватал всех за руки сапожник, здоровенный верзила. – Вместе помолимся...

– Тихо! – закричал вдруг Регалар. – Замолчите все! И уймите глупых баб. С нами волшебник, он защитит нас!

Все посмотрели на Руала.

Руал стоял под крыльцом, прижавшись к стене лопатками. Одна-единственная мысль заслонила от него свет: ушел бы утром – был бы спасен.

На секунду стало очень тихо. Потом зашелестели голоса:

– Волшебник...

– Великий маг...

– ...спасти нас...

– Волшебник...

И толпа, секунду назад охваченная паникой, вдруг вздохнула единым вздохом облегчения. Надежда завладела людьми так же внезапно, как до того ужас.

Руал обвел взглядом обращенные к нему лица. В глазах у него стояло выражение, какое бывает при сильной боли.

– Вы защитите нас, господин Руал? – ломким голосом спросила бледная Лина.

Ильмарранен пошевелил пересохшими губами.

– Я, – сказал он чужим голосом. – Я...

И на глазах у всей деревни лицо его внезапно и страшно изменилось, будто обуглившись. Люди отпрянули.

– Конечно, – бесцветным голосом сказал Ильмарранен.

И двинулся сквозь толпу. Взгляд его не отрывался от черных клубов дыма, зависших над полем.

...Разбойники не спешили. Растянувшись цепью, они ехали проселочной дорогой – десятка два плотных сытых головорезов. Хутор они сожгли походя – основная работа впереди.

Поселок будто вымер – это их не удивило. Удивительным было то, что по той же дороге навстречу им шагал человек.

Они могли бы проскакать мимо него. Они могли бы проскакать и по нему. Могли зарубить на ходу, не сходя с седла.

Шумела едва заколосившаяся пшеница. Черный дым клубами пятнал солнечный день. Человек шел. Он тоже не спешил.

Атаман, ехавший впереди, посмотрел на него из-под ладони. Не привыкший задавать себе вопросы, он почему-то смутился: очень уж дико выглядел безоружный пешеход, спокойно идущий навстречу вооруженному отряду. Разбойник придержал коня.

– Чего это, а? – спросил его подручный, который ехал чуть позади.

Атаман – хлипкий с виду, но осинового нрава молодчик – хмыкнул. Расстояние между всадниками и одиночкой сокращалось стремительно.

Копыта лошадей поднимали белые облачка пыли. Человек не менял ритма шагов, будто его толкала мощная невиданная сила. Он приблизился настолько, что ясно можно было разглядеть его лицо.

Атаман свирепо сощурился и потянул из ножен саблю. Идущий на него смотрел ему прямо в глаза.

Разбойником овладело смутное беспокойство. У идущего было пугающее, застывшее лицо и тяжелый сверлящий взгляд.

– Чего это, а? – спросил подручный, но уже испуганно.

Всадники остановились, сбившись в кучу. Человек шел, пока до кавалькады не осталось всего несколько метров.

Тогда остановился и он. Лицо его казалось грязно-серой маской, но глаза горели такой несокрушимой силой, таким бешеным напором, что разбойники пришли в замешательство.

– Чего тебе надо, негодяй? – крикнул атаман.

– Прочь, – холодно бросил человек. И добавил несколько странных, гортанного произношения слов, зловещих своей непонятностью: – Заккуррак... Кхари! Акхорой!

Испуганно заржали кони.

– Колдун! – ахнул кто-то.

– Молчать! – рявкнул атаман. Но за его спиной уже не умолкал шепот: «Колдун... Волшебник...»

– Считаю до трех, – так же холодно сказал незнакомец. – Даю вам время убраться! Раз! Смятение возросло. Атаман свирепо оглянулся, едва сдерживая лошадь.

– Два, – спокойно отсчитывал незнакомец.

Атаман не верил, что безоружный человек может вступить с ним в единоборство. Явного оружия у пришельца не было – значит, было тайное. Иначе откуда эта холодная сила?

– Два с половиной, – объявил странный человек.

Смятение переросло в панику. Разбойникам казалось, что в глазах незнакомца зловеще пляшет пламя.

– Три! – прозвучало, как удар хлыста. И пламя это вспыхнуло у страшного человека на ладони. Он выхватил из кармана яркую, как солнце, шаровую молнию и угрожающе вскинул над головой.

И атаман отступил. Он любил легкую добычу и боялся колдовства; вбросив саблю в ножны, он повернул лошадь и поспешил прочь. За ним ринулись остальные.

Человек на дороге смотрел им вслед. Глаза его погасли, лицо заливал пот. Из поселка бежали люди; ветер доносил их восторженные крики.

Руал Ильмарранен посмотрел, не мигая, на солнце и опустил на дорогу. Выпал из мокрой руки стеклянный шарик – подарок мальчика Финди.

Выпал и утонул в пыли.

...Далеко-далеко отсюда черноволосая женщина не сводила глаз с капелек крови на белой салфетке.

Капли вспыхивали и гасли, как угли в прогоревшем костре.

* * *

Карета грузно подпрыгивала на колдобинах. Для дальних странствий это был слишком роскошный экипаж. Обитый внутри шелком и бархатом, он был щедро позолочен снаружи, и позолота эта наверняка блестела за версту.

Ларту зачем-то нужна была именно такая карета – массивная и золотая, и именно шестерка вороных сытых лошадей – никак не меньше.

В карете восседал я, разодетый в пух и прах. Мой черный бархатный костюм был отделан серебряной парчой – ничего подобного мне сроду не приходилось надевать. Рядом на сиденье лежали шляпа с ворохом перьев и шпага в дорогих ножнах.

Ларт же в некоем подобии ливреи сидел на козлах и правил лошадьми. Мне строго-настрого запрещалось звать его хозяином или упоминать по имени. Отныне странствующим магом был я, а он – моим слугой.

Таким порядком мы тронулись в путь спустя день после памятного визита Орвина-Прорицателя.

Чудесная метаморфоза нравилась мне целую неделю. Потом я почувствовал непереносимую скуку.

Ларт становился самым болтливым слугой в мире, едва нам стоило заехать на постоянный двор или встретить попутчиков. Однажды он в течение часа любезничал с хорошенькой крестьянкой, которую взялся подвезти на козлах. Я сидел в карете, слушал их милую болтовню и кусал локти. Они успели переговорить обо всех цветочках, губках и глазках, вспомнить всех ее дружков и подружек и между делом выяснить, что волшебников, наверное, не бывает – все это

сказки. Когда он высадил ее и помахал вслед, я высунулся из кареты по пояс и мрачно осведомился, какие, собственно, преимущества дает нам эта игра с переодеванием. Ларт задумчиво велел мне заткнуться и потом всю дорогу мертво молчал.

На постоялых дворах нас ожидало одно и то же: я водворялся в лучшую комнату, где и сидел безвыходно, окруженный всеобщим любопытством и опаской, а Ларт, как мощный насос, выкачивал из хозяина, слуг и постояльцев все новости, слухи и сплетни, взамен щедро одаряя их рассказами о своем премноговолшебном хозяине. Весть о нашем путешествии расходилась, как круги по воде, будоража округу и рождая во мне неясное беспокойство.

...Карета подпрыгнула так, что я стукнулся головой о потолок. Ларт нахлестывал лошадей, желая пораньше добраться до очередной гостиницы. Мы ехали полем, кругом не было ни души. Я смертельно устал от дорожной тряски, пыли и духоты, но мысль о постоялом дворе была мне противна.

– Хозяин! – крикнул я, высунувшись в окно. – Хозяин!

Он придержал лошадей, а я, рискуя попасть под колеса, перебрался к нему на козлы. Он молча подвинулся.

– Мы что же, ищем Третью Силу? – спросил я нахально.

Он уже открыл рот, чтобы одернуть меня, – и вместо этого сильно ударил по лошадям.

– Дыхание среди нас... – пробормотал он сквозь зубы. – Клянусь канарейкой... «Ее дыхание гуляет среди нас».

* * *

Руал ушел затемно, тайком, не попрощавшись ни с кем. Он шагал прочь от поселка, а день поднимался ясный, как и вчера, и, как вчера, вставало солнце. Коровы и козы на пастбищах, сторожившие их собаки – все повалилось на росистую траву, ловя боками первые солнечные лучи, спеша согреться и не обращая на чужака ни малейшего внимания.

Впереди темнел лес. Руалу зачем-то хотелось спрятаться. Он шел все быстрее и быстрее, а перед глазами у него назойливо повторялись картины вчерашнего дня, повторялись медленно, будто участники их увязли в толще воды.

Бежит вестник с хутора, рот разинут, а крика не слышно. У бледной Лины выступили капельки пота над верхней губой. Капает соус с поварешки...

Надвигается широкая грудь вороной атамановой лошади, закрывает небо... Огромное копыто едва не наступает на короткую полуденную тень безоружного, беспомощного человека... Лучше околеть, чем прилюдно признаться в своей беспомощности. Я маг и сдохну магом.

Руал замедлил шаг и вытащил из кармана стеклянный шарик. Покатал на ладони, сощурился на играющие в нем солнечные блики. Нет, полное сумасшествие. Банда головорезов шарахнулась от отчаянной наглости и детской игрушки.

Ильмарранен спрятал шарик и сейчас только заметил, что идет по лесу, идет, по-видимому, не первый час, потому что лес стоит густой, нетронутый. Столбы солнечного света пронизывали его насквозь, и глубоко внутри Руала вдруг вспыхнула безумная надежда на чудо. Не может быть, чтобы случившееся вчера было глупостью и случайностью. Не может быть.

И со всей силой этой надежды Ильмарранен призвал к себе былое могущество.

Сначала он захотел расшевелить неподвижные кроны над головой, запустив в них ветер. Тишина и полное безветрие были ему ответом.

Он позвал ползавшую по стволу пичугу – та, не обратив на его зов никакого внимания, пропала в путанице ветвей.

Руал остановился. Он был искалечен, навсегда лишен части самого себя, и черная удуш-ливая тоска, которую он так долго гнал прочь, вдруг обрушилась на него всей своей силой. У него подкосились ноги, он сел прямо на траву.

... Старый звездочет, обитатель башни с толстыми стенами и стрельчатыми окнами, всю жизнь собирал волшебные книги. Ни разу ни одно заклинание не подчинилось ему.

У старика была библиотека, сплошь состоящая из древних фолиантов неслыханной ценности, армия реторт для приготовления противоядий и подзорная труба, чтобы наблюдать за звездами. У старика не было одного – волшебного дара.

– Поразительно! – говорил он, глядя на Руала с благоговейной завистью.

А Руал небрежно листал страницы, беззвучно шевелил губами – и чахлое растение в деревянной кадке расцветало вдруг немислимым образом, приносило похожие на дикие яблоки плоды, которые превращались внезапно в золотые монеты и со звоном раскатывались по каменному полу, образуя карту звездного неба. Старик потрясенно качал головой:

– Поразительно...

Маррану нравилось посещать звездочета в его башне, ему был симпатичен старик со всеми своими книгами, подзорной трубой и цветком в кадке. Звездочет же блаженствовал, принимая Руала, и почитал его визиты за большую честь.

– Скажите, Ильмарранен, – спросил он однажды, смущаясь, – когда вы впервые осознали себя магом?

Марран задумался.

В его жизни не было момента, когда он впервые ощутил бы свой дар. Был день, когда Руал-ребенок понял, что другие этого дара лишены.

Ему было лет шесть; холодной дождливой весной тяжело груженная телега застряла в размытой глине. Хозяин телеги, угольщик, немолодой уже человек, надрывался вместе со своей тощей лошастью, тщетно пытаясь освободить колеса из цепкой жижи.

– Что ты делаешь? – удивленно спросил его маленький Руал.

Тот хмуро взглянул на глупого мальчишку и ничего не ответил.

Руал обошел телегу кругом, остановился перед лошастью – та беспокойно на него косилась – и, встав на цыпочки, дотянулся до повода:

– Ну, пошли...

Лошадь двинулась вперед и сразу, без усилия вытянула телегу на твердую дорогу.

Марран на всю жизнь запомнил взгляд, которым наградил его угольщик.

Старик-звездочет просто не в состоянии был этого понять.

... Лес не кончался, наоборот – становился все гуще и темней. Руал шел уже много часов. Сначала над головой у него радостно болтали птицы, потом на смену их щебетанию пришла тишина, нарушаемая иногда скрипом сосен да стуком дятла, а теперь вот в лесу завывали охотничьи рога – ближе и ближе.

Он шагал размеренно, бездумно, не поднимая глаз и стиснув зубы. Все равно.

Рог хрипло рявкнул совсем рядом, и, ломая ветки, на дорогу вылетели всадники. Руал остановился, ожидая, что охотники двинутся своей дорогой. Однако те резко свернули, и через секунду он стоял в кольце копий.

– Кто такой?

– Странник, – осторожно ответил Руал.

– Бродяга, – определил один из егерей.

– Браконьер! – не согласился другой.

Неспешно подъехал еще один всадник – по-видимому, вельможа.

– Снова наглый оборванец! – заметил он брезгливо. – Знаешь, негодяй, что бывает за потраву моих лесных угодий?

Руал ощутил гадкий привкус во рту: светлое небо, еще и это.

Шесть острых копий смотрели ему в грудь. Скалились егеря.

– Владения господина священной, – сказал он наугад и сжался, ожидая удара.

Вельможа нахмурился:

– Ты знаешь, мерзавец, кто я?

Руал жалко улыбнулся и перевел дыхание:

– Вы – могучий властитель, ваше сиятельство... А я... я – скромный... предсказатель судьбы. Мог ли я не узнать... господина?

Копья неуверенно отодвинулись, чтобы через мгновение снова угрожающе сомкнуться:

– Ты мне зубы не заговаривай! Какой еще предсказатель?

«Небо, помоги мне!» – взмолился Руал и вдруг заговорил быстро и убедительно:

– Гадатель, знахарь, заклинатель духов, заглядывающий в будущее. Прибыл во владения господина, прослышав о его... трудностях...

И Руал запнулся, ужаснувшись собственным словам.

А вельможа вдруг напряженно подался вперед, испытующе вглядываясь в лицо своей жертвы; спросил медленно, подозрительно:

– О КАКИХ трудностях ты мог прослышать, бродяга?

В его настороженных круглых глазах Руал прочитал вдруг, что случайно угодил прямо в цель. В этот момент он кожей ощутил возможное спасение и всем телом бросился в открывшуюся лазейку.

– Господину лучше знать, – сказал он значительно и показал глазами на егерей.

Вельможа заколебался. Ильмарранен ждал, переступая ослабевшими ногами.

– Поедешь с нами, – бросил вельможа и развернул лошадь.

Кабинет герцога в его большом помпезном замке сочетал в себе приметы охотничьего музея и парфюмерной лавки. С увешанных оружием стен стеклянно пялились полдюжины оленьих голов, между ними то и дело обнаруживались лубочные картинки, где сладко целовались голубки над головами прелестных пастушек. Маленький стол у камина был уставлен множеством сильно пахнущих скляночек, и Руалу то и дело становилось дурно от густого запаха духов.

Он проделал долгий путь, привязанный за пояс к седлу, – то пешком, то бегом; потом бесконечно долго дождался приема в вонючей людской, откуда совершенно невозможно было сбежать, а теперь немеющими руками тасовал тяжелую колоду карт и лихорадочно искал путь к спасению. Пути не было.

Герцог восседал в кресле напротив; над его головой свирепо торчали клыки трофейного дикого кабана, который тоже нашел свой приют на стене кабинета. Кабан и вельможа были похожи, как братья.

У Руала взмокли ладони, а спасительная мысль все не приходила. В отчаянии он швырнул карты на стол:

– Это нехорошая колода, ваша светлость... На нее падал свет полной луны.

Герцог засопел, но возражать не стал. По его знаку лакей принес другую колоду.

У Руала перед глазами слились в одно пятно лицо вельможи и морда кабана. Тянуть дальше было невозможно, и он начал неровным голосом:

– Множество трудностей и опасностей окружает вашу благородную светлость...

Герцог насупился еще больше.

– Воинственные соседи зарятся на земли и уголья вашей благородной светлости...

Герцог окаменел лицом. «Не то», – в панике подумал Руал. Карты ложились на стол как попало; трефовая дама нагло шурилась, а червовый валет, казалось, издевательски ухмылялся.

– Кошелек вашей благородной светлости истощился за последнее время...

Ни один мускул не дрогнул на лице вельможи. Руал судорожно сглотнул и, смахивая пот со лба, затравленно огляделся.

И тогда он увидел ее.

Маленькая золотая фигурка – безделушка, украшение туалетного столика. Золотая ящерица с изумрудными глазами. Руалу показалось даже, что он ощущает на себе зеленый взгляд.

Спohватившись, он продолжил поспешно:

– Главная же трудность, главная беда заключается в другом... Она, эта беда, завладела всеми помыслами вашей благородной...

И тут ему показалось, что в маленьких свирепых глазках герцога мелькнуло нечто, напоминающее заинтересованность. Воодушевившись, Руал принялся тянуть слова, надеясь наткнуться-таки на то единственное, что доказало бы его право называться гадалщиком и тем самым спасло от виселицы.

– Она, эта беда, не дает вам покоя ни днем, ни ночью...

Да, герцог мигнул. Быстро и как бы воровато, что совсем не вязалось с его манерами. Мигнул и весь подался вперед, будто желая перехватить слова собеседника раньше, чем они слетят с его губ.

– Ни днем... – повторил значительно Руал, который никак не мог нащупать верный путь, – ни... ночью...

И вельможа покраснел! Внезапно, мучительно, как невеста на пороге спальни; покраснел и отпрянул, хмурясь и стараясь взять себя в руки.

Руал понял. Эта разгадка сулила спасение. Карты замелькали в его руках, как спицы бешено несущегося колеса.

– Знаю! – объявил он громогласно. – Знаю, как тяжело вашей светлости в минуту, когда после многих трудов и стараний горячий любовный порыв вашей благородной светлости заканчивается горьким разочарованием! Знаю, как недовольна герцогиня и какими обидными словами она огорчает вашу светлость! Знаю, что самый вид супружеской постели...

– Тс-с-с! – зашипел герцог, брызгая слюной.

Трясущимися руками он сгреб со стола карты, опасаясь, по-видимому, что они еще не то могут рассказать.

Руал обессиленно откинулся на спинку стула и с трудом улыбнулся. Это было слабое подобие той особенной победной улыбки, которой блистал когда-то великолепный маг Ильмарранен.

Герцог вскочил, чуть не снеся со стены кабанью голову, и навалился животом на стол, дыша Руалу в лицо:

– Это ужасная тайна, гадалщик! Я запер жену... Ей прислуживает глухонемая старуха... Но жена ненавидит меня, гадалщик! Она издевается надо мной, когда я... я собираюсь... Хочу... Я пытаюсь... Проклятие!

И в порыве чувств вельможа заметался по кабинету. Руал наблюдал за ним, почесывая переносицу.

Обессилев, герцог снова рухнул в кресло, являя собой воплощенное отчаяние. Кабан над его головой потерял значительную часть своей свирепости и, по-видимому, впал в уныние.

– Итак, я явился вовремя, – веско сказал Руал, выдержав паузу.

Герцог, угнетенный позором, поднял на него мутные глаза:

– Проси, что хочешь, ты, ведун... Любые деньги... Если уж карты рассказали тебе о моем горе, то уж, наверно, они знают, как ему помочь!

– Карты знают, – тонко улыбнулся Ильмарранен.

Сейчас этот опасный самодур был в его власти – ненадолго, но зато крепко и полностью.
– Картам ведомо многое, – Руал встал, не собираясь попусту тратить отпущенное ему время. – О плате договоримся вперед.

Герцог закивал, а Ильмарранен быстро взглянул на туалетный столик, вдруг испугавшись, что ящерица была всего лишь наваждением. Но нет – на него так же внимательно смотрели изумрудные глаза.

Он хотел провести пальцем по ее изящно изогнутой спинке – но не посмел. Высвободил ее осторожно из беспорядочной толпы дурно пахнущих флаконов, посадил себе на ладонь... Она уселась просто и удобно.

– Вот моя плата, – сказал Руал.

Вельможа крикнул.

...Утром следующего дня замок лихорадило.

Лакеи и прачки, конюхи и кучер, повара с поварятами и дворецкий во главе дюжины горничных метались, забросив дневные дела, подобно муравьям из разоренного муравейника.

Знахарь, прибывший неведь откуда и таинственным образом завоевавший доверие герцога, был в центре этой суеты и отдавал распоряжения, от которых бросало в пот даже выдавшую виды матрону-интендантшу.

– Крыс понадобится дюжина или две... – серьезно и сосредоточенно объяснял знахарь. – Мизинец на правой крысиной лапке обладает силой, о которой известно не всем, о, не всем!

Руал победоносно оглядел собравшуюся челядь и продолжал:

– Далее – яйцо кукушки. Ищите, бездельники, это приказ господина герцога! – прикрикнул он, заметив некоторое замешательство. – Ошейник лучшей собаки... – он загибал пальцы один за другим, – ржавчина с колодезного ворота...

Люди шептались, пожимали плечами – они не подозревали, по-видимому, о несчастье своего господина и не могли даже предположить, что задумал самозванный знахарь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.